

ТЕДА СКОЧПОЛ

ГОСУДАРСТВА
И СОЦИАЛЬНЫЕ
революции
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ
ФРАНЦИИ, РОССИИ И КИТАЯ

Теда Скочпол

**Государства и социальные
революции. Сравнительный
анализ Франции, России и Китая**

«Институт экономической политики имени Е.Т. Гайдара»

1979

УДК 316.2
ББК 60.51

Скочпол Т.

Государства и социальные революции. Сравнительный анализ
Франции, России и Китая / Т. Скочпол — «Институт
экономической политики имени Е.Т. Гайдара», 1979

ISBN 978-5-93255-491-3

От Франции 1790-х гг. до Вьетнама 1970-х гг. социальные революции были редкими, но грандиозными по своему значению событиями мировой истории. Почему социальные революции произошли в одних странах, но не в других? Как дореволюционные режимы вошли в состояние кризиса? Книга профессора Гарвардского университета Теды Скочпол «Государства и социальные революции» задает новую систему координат для анализа причин, конфликтов и итогов революций. Исследование соединяет новаторские теоретические подходы с глубоким, скрупулезным сравнительно-историческим анализом французской революции с 1787 г. до начала 1800-х гг., русской революции с 1917 г. вплоть до 1930-х гг. и китайской революции с 1911 г. по 1960-е гг. Теда Скочпол демонстрирует, каким образом сочетание таких факторов, как государственные структуры, внешнеполитические и внешнеэкономические силы и отношения классов, позволяет объяснить истоки социальных революций и их свершения. Считая, что существующие теории революции, как марксистские, так и немарксистские, недостаточны для объяснения их реальных исторических закономерностей, автор призывает нас взглянуть на революции по-новому. Прежде всего она настаивает на том, что государства, рассматриваемые как организации, осуществляющие управление и принуждение, потенциально автономные от классовых интересов и контроля со стороны классов, должны стать главным элементом в объяснениях революций.

УДК 316.2
ББК 60.51

ISBN 978-5-93255-491-3

© Скочпол Т., 1979

© Институт экономической политики
имени Е.Т. Гайдара, 1979

Содержание

Предисловие	7
Введение	12
Глава 1	12
Структурная перспектива	23
Международный и всемирно-исторический контексты	28
Потенциальная автономия государства	33
Сравнительно-исторический метод	41
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Теда Скочпол
Государства и социальные
революции. Сравнительный
анализ Франции, России и Китая

Посвящается Биллу

Предисловие

Одни книги предлагают свежий фактический материал, другие – теоретические аргументы, позволяющие читателю увидеть старые проблемы в новом свете. Эта работа определенно относится к последним. Она предлагает концептуальные рамки для анализа социально-революционных трансформаций в мировой истории Нового времени. В ней также используется сравнительно-исторический метод для разработки объяснений причин и результатов французской революции 1787–1800 гг., русской революции 1917–1921 гг. и китайской революции 1911–1949 гг. В первой главе обозначены принципы анализа, разработанные путем критического переосмысления исходных постулатов и типов объяснения, которые являются общими для наиболее часто используемых теорий революции. Эти принципы предназначены для того, чтобы дать новые ориентиры нашему пониманию того, что характерно для революций, как они действительно происходили в истории и что входит в круг проблем при их изучении. Оставшаяся же часть книги посвящена практической реализации программы Главы 1, требующей новых видов объяснительных аргументов. В Части I раскрываются истоки революционных кризисов и конфликтов во Франции, России и Китае путем исследования государств, классовых структур и международных положений старых порядков: государства Бурбонов, царской России и Поднебесной империи. Особое значение придается тому, каким образом государства Старого порядка оказались в состоянии кризиса, а также вспышкам крестьянских восстаний в ходе революционных междоусобиц. Далее, в Части II, прослеживается ход самих революций от первоначальных возмущений до консолидации относительно стабильных и особым образом структурированных новых порядков: наполеоновского во Франции, сталинского в России и коммунистического с местной спецификой в Китае с середины 1950-х гг. В этой части особое внимание уделяется усилиям революционного лидерства в направлении государственного строительства, а также структурам и деятельности новых государственных организаций в революционных обществах. На длинном пути от старых до новых порядков французская, русская и китайская революции рассматриваются как три сопоставимых примера единой, последовательной социально-революционной модели. В результате и сходства, и специфика этих революций освещаются и объясняются путем, который несколько расходится с прежними теоретическими и историческими дискуссиями.

Книги рождаются в уникальных условиях из опыта их авторов, и эта – не исключение. Ее идеи зрели во мне во время обучения в Гарвардском университете в начале 1970-х гг. Это было время (какими бы далекими ни казались его отголоски сейчас), когда политическая ангажированность многих студентов была очень велика, и я не была исключением. Соединенные Штаты вели беспощадную войну против вьетнамской революции, в то время как внутри страны движения за расовую справедливость и немедленное окончание военного вмешательства за рубежом оспаривали, что является хорошим, а что плохим для нашей собственной политической системы. Это время, разумеется, поспособствовало моему желанию переосмыслить революционные изменения. Именно в эти годы во мне созрела приверженность идеалам демократического социализма. Но было бы ошибкой предполагать, что «Государства и социальные революции» прямо обязаны своим появлением повседневной вовлеченности в политику. Это не так. Они совершенствовались, можно сказать, «в башне из слоновой кости» – в тиши библиотеки и кабинета. В аспирантуре я изучала макросоциологическую теорию, сравнительную социальную и политическую историю. Пересечение этих исследовательских полей порождало ставящие в тупик вопросы. Мои попытки сформулировать ответы на эти сложные вопросы и затем проследовать дальше, к выводам, вытекающим из этих ответов, привели меня, через ряд этапов, к представленным здесь аргументации и анализу.

Например, я столкнулась с проблемой Южной Африки. История этой несчастной страны поразила меня и как очевидное опровержение парсонсианских структурно-функциональных объяснений социального порядка и изменений, и как серьезный вызов общепринятым и обнадеживающим предсказаниям о том, что массовое недовольство с неизбежностью приведет к революции против вопиюще репрессивного режима *апартеида*. Триумф либеральной справедливости не представлялся неизбежным. Марксистский классовый анализ произвел на меня впечатление более полезного, по сравнению со структурным функционализмом или теорией относительной депривации, для понимания положения небелого населения Южной Африки и обнаружения долгосрочных тенденций в социально-экономических изменениях. Но, работая строго в категориях классового анализа, было трудно концептуализировать, не говоря уже о том, чтобы точно объяснить, структуры южноафриканского государства и политическую роль африканеров. А именно они, по всей видимости, были ключом к пониманию того, почему социальная революция не произошла (или в скором времени не произойдет) в Южной Африке.

Другим исходным опытом, повлиявшим на меня впоследствии, было длительное, глубинное исследование исторических истоков китайской революции. Чтобы структурировать свою исследовательскую программу, я сравнила и попыталась объяснить относительные успехи и провалы Тайпинского восстания, националистического движения Гоминьдан и Коммунистической партии Китая, рассматривая их все в исторически изменяющемся всеобъемлющем контексте китайского общества. Глубоко очарованная позднеимперским и современным Китаем, по итогам этого исследования я стала глубоким скептиком в вопросе о применимости (к Китаю, а возможно, также и к другим аграрным государствам) общепринятых категорий социальных наук, таких как «традиционный» или «феодальный». Я также убедилась в том, что причины революций могут быть поняты только при рассмотрении конкретных взаимосвязей между классовыми и государственными структурами и сложных взаимодействий внутренних и международных процессов.

Если большинство исследователей, занимающихся сравнительными исследованиями революций, двигались, так сказать, с Запада на Восток (истолковывая русскую революцию в категориях французской или китайскую в категориях русской), то мое интеллектуальное путешествие вокруг света происходило в противоположном направлении. От исследований Китая я перешла к Франции в рамках общей программы сравнительного исследования политического развития Западной Европы. Хотя я понимала, что Франция «должна быть» похожей на Англию, Старый порядок французского абсолютизма казался во многих отношениях похожим на имперский Китай. Я также выявила фундаментальное сходство революционных процессов во Франции и Китае. В обеих странах они начинались с мятежей землевладельческих высших классов против абсолютистской монархии, сопровождались крестьянскими восстаниями и завершились более централизованными и бюрократическими новыми порядками. И наконец, я пришла к пониманию Старого порядка и революционной России в тех же аналитических категориях, что разработала для Китая и Франции. Особое внимание, уделенное изучению аграрных структур и государственного строительства, оказалось весьма плодотворным для понимания судеб этой «пролетарской» революции от 1917 до 1921 г. и 1930-х гг.

Следует отметить еще одну особенность моего подхода к систематическому исследованию революций. В отличие от большинства социологов, работающих в этой области, я получила очень много знаний об истории реальных революций *до того*, как приступила к широкому знакомству с литературой по социальным наукам, претендующей на то, чтобы объяснить революции теоретически. Изучив эту литературу, я быстро в ней разочаровалась. Революционный процесс преподносился в ней таким образом, который весьма слабо соответствовал известным мне историческим событиям. А причинно-следственные объяснения казались либо не релевантными, либо откровенно неправильными, учитывая то, что я знала о сходстве и различиях между странами, в которых революции произошли, в отличие от тех, в которых их не было.

Вскоре я решила (по крайней мере, к собственному удовлетворению) что фундаментальной проблемой было вот что: теории в социальных науках выводили свои объяснения революций из моделей того, как политический протест и изменения должны в идеале происходить в либерально-демократических или капиталистических обществах. Поэтому немарксистские теории имели тенденцию рассматривать революции как особенно радикальные и идеологизированные варианты типичных реформистских общественных движений, а марксистские – видели в них классовое действие, возглавляемое буржуазией или пролетариатом. Неудивительно, – сказала я себе, – что эти теории так мало давали для понимания причин и достижений революций в преимущественно аграрных странах с абсолютистско-монархическими режимами и крестьянством в основе социальной структуры.

Из этой интеллектуальной смеси мне явился возможный проект, кульминацией которого стала эта книга: использовать сравнение французской, русской и китайской революций и некоторые их сопоставления с другими странами для того, чтобы пояснить мою критику несостоятельности имеющихся теорий революций, а также разработать альтернативный теоретический подход и объяснительные гипотезы. Хотя я отвергла исходные допущения и существенные аргументы известных мне теорий революции, у меня по-прежнему было желание пояснить ту общую логику, которая работала вопреки прочим различиям во всех изучаемых мною основных революциях. Сравнительно-исторический анализ представлялся идеальным средством для этого.

К счастью, те три революции, которые я хотела исследовать на основе сравнительного анализа, уже были хорошо изучены историками и регионоведами. Большой объем существующей литературы может быть головной болью для специалиста, желающего внести новый вклад на основе ранее не открытых или недостаточно разработанных первичных данных. Но для социолога-компаративиста это идеальная ситуация. Сравнительно-исторические проекты неизбежно и почти полностью заимствуют данные из вторичных источников – то есть из исследовательских монографий и того синтеза, который уже достигнут историками, регионоведами и культурологами и существует в виде опубликованных ими журнальных статей и книг. Задача специалиста по сравнительной истории (и его возможный исследовательский вклад) состоит не в выявлении новых данных о конкретных аспектах больших исторических периодов и разнообразных регионов, обозреваемых в сравнительном исследовании, но скорее в установлении того, представляет ли интерес и валидна ли, при прочих равных условиях, общая аргументация относительно причинно-следственных закономерностей, проявляющихся в различных исторических ситуациях. У компаративиста нет ни времени, ни (всех) должных умений для осуществления первичных исследований, с необходимостью составляющих то основание, на которых строятся сравнительные исследования. Напротив, компаративист должен сосредоточивать внимание на поиске и систематическом изучении публикаций специалистов, касающихся тех вопросов, которые по теоретическим соображениям и в соответствии с логикой сравнительного анализа определяются в качестве важных. Если, как это часто бывает, вопросы, обсуждаемые специалистами относительно той или иной исторической эпохи или события, – не совсем те, что представляются наиболее важными в сравнительной перспективе, то аналитик-компаративист должен быть готов к тому, чтобы адаптировать данные, имеющиеся в работах специалистов, для аналитических целей, несколько отклоняющихся от тех, в рамках которых они первоначально рассматривались. И компаративист должен действовать систематически, насколько только это возможно, в поисках информации по одной и той же теме от ситуации к ситуации, даже несмотря на то, что специалисты, скорее всего, будут выдвигать на первый план разные темы в своих исследованиях и полемике, от страны к стране. Очевидно, что работа компаративиста становится возможной только *после* того, как специалистами будет создана обширная первичная литература. Только в этом случае компаративист может попытаться найти, по край-

ней мере, какой-то материал, относящийся к каждой теме, исследование которой продиктовано сравнительной, объяснительной аргументацией, которую он или она пытается разработать.

Как должна продемонстрировать библиография к этой книге, я имела возможность опираться на такие обширные источники о Франции, России и Китае. Литература по каждому из примеров обширна и глубока, она включает множество книг и статей, изначально опубликованных на английском или французском (двух языках, на которых я лучше всего читаю), или переведенных на них. За редкими исключениями, объясняемыми малым интересом к тем или иным темам в той или иной исторической литературе, те препятствия, которые стояли передо мной, не были вызваны трудностями в обнаружении базовой информации. Они скорее выражались в необходимости изучить огромные массивы исторической литературы, правильно взвесить и использовать разработки специалистов для того, чтобы развить последовательную сравнительно-историческую аргументацию. Насколько хорошо я справилась с этими препятствиями, судить самим читателям (включая историков и регионоведов). Для себя я буду удовлетворена, если эта книга в какой-то мере стимулирует дискуссию и вдохновит дальнейшие исследования, как среди людей, интересующихся той или иной конкретной революцией, так и среди тех, кто хочет понять современные революции в целом, их прошлые причины и достижения и будущие перспективы. Сравнительная история вырастает из взаимодействия теории и истории и должна, в свою очередь, способствовать дальнейшему обогащению каждой из них.

Разработка и переработка аргументации в этой книге на протяжении последних нескольких лет часто ощущалась как бесконечная борьба с гигантским пазлом. Но на самом деле многие люди протянули мне руку помощи, позволявшую лучше увидеть общую картину и указавшую, куда подходят конкретные части этого пазла, а куда нет.

В научном плане я в неоплатном долгу перед Баррингтоном Муром-младшим. Именно прочтение его «Социальных истоков диктатуры и демократии» еще в студенческие годы в Мичиганском государственном университете явило мне великолепный размах сравнительной истории и научило тому, что аграрные структуры и конфликты дают важные ключи к пониманию структур современной политики. Более того, на аспирантских семинарах Мура в Гарварде выковывались мои способности к сравнительному анализу, при том что мне всегда предоставлялись возможности для разработки собственных интерпретаций. Мур ставил трудные задачи и реагировал впечатляющей критикой. А студенческое братство на семинарах обеспечивало атмосферу интеллектуального оживления и поддержки. На самом деле, два друга из числа участников семинаров Мура, Мунира Чаррад и Джон Молленкопф, поддерживали меня и давали советы на всех стадиях этого проекта сравнительного исследования революций.

Другое критически важное и продолжительное воздействие было оказано Эллен Кей Тримбергер. Сначала в 1970 г. я узнала о ее схожей работе, посвященной «революциям сверху» в Японии и Турции. И с тех пор идеи Кей, ее комментарии и дружба с ней в огромной степени способствовали моему исследованию Франции, России и Китая.

Как и многие другие первые книги, эта имела свое более раннее воплощение в докторской диссертации. Эта фаза проекта, несомненно, была самой болезненной, потому что я взяла на себя слишком много в слишком короткие сроки. Тем не менее, оглядываясь назад, можно сказать, что это того стоило, так как «большая» диссертация, какой бы она ни была несовершенной, имеет больший потенциал для последующего развития в заслуживающую публикации книгу, чем более «отполированная», но узкая. Я благодарю Дэниела Белла за то, что он поощрял меня сделать почти невозможное, а также давал детальные и провокационные комментарии к черновому варианту диссертационной работы. Моим официальным научным руководителем был добрый и восхитительный Джордж Каспар Хоманс, который делал внимательные замечания и давал комментарии к моей работе и непрестанно давил на меня с тем, чтобы я закончила ее быстро. Последний член комиссии на защите моей диссертации, Сеймур Мартин Липсет, с самого начала и до конца написания работы давал проницательные рекомендации и был так

добр, что не стал ставить мне в вину то, что я закончила ее позже, чем первоначально планировалось. Финансовую поддержку в последние годы работы над докторской диссертацией мне оказывала программа аспирантских стипендий Данфорт (*Danforth Graduate Fellowship*), которая предоставляет получателям возможность свободно выбирать темы для исследования.

После того, как диссертация была закончена, Чарльз Тилли сделал ценные замечания по основным направлениям переработки текста в будущем. Коллеги и студенты в Гарварде, где я преподаю, бесчисленными способами помогали мне и стимулировали мое продвижение в работе над книгой. И как только доработка была частично завершена, многие люди оказали помощь, ускорившую завершение книги. Уолтер Липпикотт-младший из Кембриджского университетского издательства организовал получение рецензий на рукопись еще на ранней стадии работы над ней. Результатом стал не только договор о публикации, но и очень полезные советы относительно Введения, которые дали Джон Данн и Эрик Вульф. Питер Эванс также высказал предложения, которые помогли мне доработать первую главу книги. Мэри Фулбрук предложила исследовательскую помощь при доработке главы 3, и ее старания были оплачены из малого гранта Гарвардского общества аспирантов. Я также получила поддержку Фонда исследований молодых преподавателей факультета социологии Гарвардского университета.

Несколько друзей героически пожертвовали своим временем, чтобы написать комментарии к черновому варианту книги. Эту особую помощь оказали: Сьюзан Экштейн, Хэрриет Фридманн, Уолтер Голдфранк, Питер Гуревич, Ричард Краус, Джоэл Мигдал и Джонатан Цейтлин. Вдобавок к этому Перри Андерсон, Рейнхард Бендикс, Виктория Боннел, Шмуэль Эйзенштадт, Теренс Хопкинс, Линн Хант, Баррингтон Мур-младший, Виктор Ни, Магали Сарфатти-Ларсон, Энн Свидлер и Иммануил Валлерстайн давали комментарии по поводу опубликованных мной статей по сходной проблематике, комментарии, существенно повлиявшие на мою дальнейшую работу над книгой. Нет нужды говорить о том, что всем упомянутым выше людям я обязана большей частью того, что хорошо в этой книге, и ни один из них не несет ответственности за ее недостатки.

Миссис Нелли Миллер, Луиза Амос и Линн МакКей с великолепной быстротой и точностью напечатали итоговый манускрипт. Миссис Миллер более всего заслуживает благодарностей, так как она печатала больше остальных на каждой стадии доработки текста. Мне действительно повезло, что я могла положиться на ее перфекционизм и сообразительность.

И конечно, я с любовью отмечаю помощь моего мужа, Билла Скочпола, которому посвящается эта книга. Его комментарии по поводу всех частей текста на всех стадиях доработки, его готовность помочь с практическими хлопотами, такими как печатание ранних версий диссертации и итоговая проверка цитат, его терпение по отношению к моим эмоциональным взлетам и падениям в ходе всего процесса – весь этот вклад воплощен в каждой части «Государств и социальных революций». Билл – физик-экспериментатор, но без его охотно оказанной помощи эта работа по сравнительно-исторической социологии не была бы доведена до конца.

Введение

Глава 1

Объяснение социальных революций: альтернативы существующим теориям

Революции – это локомотивы истории.
Карл Маркс

Обсуждение различных взглядов на «методологию» и «теорию» уместно только при близком и постоянном соотнесении с общественно значимыми проблемами... Характер самих проблем ограничивает и подсказывает необходимые методы и концепции и способы их применения.

Чарльз Райт Миллс

Социальные революции были редкими, но исключительно важными моментами в мировой истории Нового времени. От Франции 1790-х гг. до Вьетнама середины XX в. эти революции трансформировали организацию государств, классовые структуры и господствующие идеологии. Они породили национальные государства, чье могущество и самостоятельность заметно превзошли те, что существовали в их дореволюционном прошлом, и опередили другие страны в сходных обстоятельствах. Революционная Франция внезапно стала завоевательницей континентальной Европы, а русская революция породила индустриальную и военную сверхдержаву. Мексиканская революция придала своей родине политическую силу стать одним из самых индустриализованных постколониальных государств Латинской Америки, наименее подверженным военным переворотам. После Второй мировой войны кульминация давно шедшего революционного процесса воссоединила и трансформировала раздробленный Китай. Новые социальные революции позволили деколонизованным и неоколониальным странам, таким как Вьетнам и Куба, порвать цепи крайней зависимости.

Социальные революции имели не только национальное значение. В некоторых случаях социальные революции породили модели и идеалы, отличающиеся огромным международным значением и влиянием – особенно там, где претерпевшие трансформацию общества были большими и геополитически важными, реальными или потенциальными сверхдержавами. Патристические армии революционной Франции подчинили значительную часть Европы. Даже до завоеваний и долго после военного поражения, французские революционные идеалы «свободы, равенства и братства» воспламеняли воображение, ищущее социального или национального освобождения. Это воздействие простиралось от Женевы до Санто-Доминго, от Ирландии до Латинской Америки и Индии, оно повлияло на последующих теоретиков революции от Бабёфа до Маркса, Ленина и теоретиков антиколониализма XX в. Русская революция ошеломила капиталистический Запад и обострила амбиции возникающих наций, продемонстрировав, что революционная власть может в течение двух поколений трансформировать отсталую аграрную страну во вторую индустриальную и военную сверхдержаву мира. То, чем русская революция была для первой половины XX в., для второй половины стала китайская. Пр продемонстрировав, что партия ленинского типа может возглавить крестьянское большинство на экономических и военных фронтах, она «породила великую державу, провозглашающую себя

образцом революции и развития для беднейших стран мира»¹. «Яньаньский путь»² и «деревня против города» предложили свежие идеалы и модели и возродили надежды революционных националистов в середине XX в. Более того, как подчеркивал Илбаки Хермасси, важнейшие революции оказывают влияние не только на тех иностранцев, которые хотели бы им подражать. Они также влияют на иностранных противников революционных идеалов, которые вынуждены отвечать на вызовы или угрозы усилившихся национальных государств, порожденных революциями. «Всемирно-исторический характер революций означает, – утверждает Хермасси, – [что они] производят демонстрационный эффект за пределами своих стран, обладая потенциалом вызывать волны революции и контрреволюции как внутри обществ, так и между ними»³.

Конечно, социальные революции – не единственные силы изменений, действующие в современном мире. В рамках матрицы «Великой трансформации» (то есть всемирной коммерциализации и индустриализации, подъема национальных государств и экспансии европейской системы государств, охватившей весь мир) политические сдвиги и социально-экономические изменения имели место в каждой стране. Но в рамках этой матрицы социальные революции заслуживают особого внимания, не только из-за их чрезвычайной важности для истории государств и всего мира, но также из-за их особой модели социально-политических изменений.

Социальные революции – это быстрые, фундаментальные трансформации государственных и классовых структур общества; они сопровождаются и отчасти осуществляются низовыми восстаниями на классовой основе. От другого рода конфликтов и процессов трансформации социальные революции отличаются прежде всего комбинацией двух обстоятельств: совпадением структурных социальных изменений с классовыми восстаниями и совпадением политических трансформаций с социальными. Напротив, бунты, даже если они успешны, могут включать в себя восстание подчиненных классов – но они не приводят к структурным изменениям⁴. Политические революции трансформируют государственные структуры, но не социальные структуры, кроме того, они не обязательно совершаются путем классовой борьбы⁵. А такие процессы, как индустриализация, могут трансформировать социальные структуры, не обязательно порождая внезапные политические сдвиги или фундаментальные политико-структурные изменения (или не обязательно являясь результатом этих сдвигов или изменений). Уникальной особенностью социальных революций является то, что фундаментальные изменения в социальной структуре и в политической структуре происходят одновременно, взаимно усиливая друг друга. И эти изменения происходят посредством интенсивных социально-политических конфликтов, в которых ключевую роль играет борьба классов.

Такая концепция социальной революции отличается от многих других определений революции в ключевых аспектах. Во-первых, она определяет *сложный* предмет, требующий раз-

¹ Franz Schurmann, *Ideology and Organization in Communist China*, 2nd ed. (Berkeley: University of California Press, 1968), p. xxxv. Предыдущее предложение о Китае и России также фактически перефразирует Шурманна.

² Новая стратегия (этап, «Яньаньский период») в борьбе китайских коммунистов с началом гражданской войны после разрыва союза с Гоминьданом и «Великого похода», в широком смысле связанная с переориентацией на крестьян горных районов северного Китая и партизанскую войну. Подробнее см. главу 7. «Яньаньский путь» – термин не устоявшийся, Теда Скочпол заимствует его из работы 1971 г. Марка Селдена «Яньаньский путь в революционном Китае» для обозначения революционной стратегии китайских коммунистов, отличающейся от стратегии большевиков в России. – Прим. пер.

³ Elbaki Hermassi, "Toward a Comparative Study of Revolutions", *Comparative Studies in Society and History* 18:2 (April 1976), p. 214.

⁴ Хорошими примерами являются крестьянские восстания, которые время от времени сотрясали средневековую Европу и имперский Китай. Китайские восстания иногда добивались успеха в свержении и даже смене династий, но фундаментальным образом никогда не трансформировали социально-политическую структуру. Более подробное обсуждение и анализ см. в главе 3.

⁵ Насколько я понимаю этот исторический случай, английская революция (1640–1650 гг. и 1688–1689 гг. вместе взятые) выступает отличным примером политической революции. Ее фундаментальным достижением было установление власти парламента путем восстания некоторых групп господствующего класса против претендующих на абсолютную власть монархов. Этот случай рассматривается в главе 3 и главе 5. Еще одним хорошим примером политической, а не социальной революции является японская Реставрация Мэйдзи, которая будет рассмотрена в главе 2.

яснений, исторические примеры которого относительно малочисленны. Она делает это вместо попыток размножить число случаев, подлежащих объяснению, которые сосредоточиваются только на одной аналитической характеристике (такой как насилие или политический конфликт), характерной для массы событий различной природы и с различными последствиями⁶. Я твердо убеждена в том, что аналитическое упрощение не может привести к обоснованным, всесторонним объяснениям революций. Если мы намереваемся понять крупномасштабные конфликты и изменения, как те, что происходили во Франции с 1787 по 1800 гг., то не сможем далеко уйти, начиная с предметов для объяснения, которые фиксируют только аспекты, общие для таких революционных событий и, скажем, бунтов или переворотов. Мы должны рассматривать революции в целом, во всей их сложности.

Во-вторых, это определение делает успешную социально-политическую трансформацию (*реальное* изменение государственных и классовых структур) частью конкретизации того, что следует называть социальной революцией, а не оставляет изменение необязательным в определении «революции», как это делают многие другие исследователи⁷. Основанием тому служит моя убежденность в том, что успешные социальные революции, вероятно, возникают в иных макроструктурных и исторических контекстах, нежели неудавшиеся социальные революции либо политические трансформации, не сопровождающиеся трансформациями классовых отношений. Поскольку в моем сравнительно-историческом исследовании я намереваюсь сфокусировать внимание именно на этом вопросе (произошедшие социальные революции будут сопоставлены с неудавшимися случаями, а также с не социально-революционными трансформациями), мое понимание социальной революции с необходимостью выдвигает на первый план успешное изменение как фундаментальную характеристику ее определения.

Как тогда следует объяснять социальные революции? Куда нам следует обратиться за плодотворными методами анализа их причин и следствий? На мой взгляд, существующие в социальных науках теории революции не являются адекватными⁸. Так что главной целью данной главы будет представить и обосновать принципы и методы анализа, альтернативные тем, которые являются общими для всех (или большинства) существующих подходов. Я буду

⁶ В качестве примеров попыток объяснения революции при помощи стратегий аналитического упрощения см. различные работы, приведенные в сносках 19 и 21 к этой главе. Ниже будут подробно раскрыты идеи двух влиятельных теоретиков: Теда Гарра и Чарльза Тилли, которые включают революции в более широкие аналитические категории, хотя и разного рода.

⁷ Тремя примерами исследователей, которые рассматривают изменение в качестве необязательного, являются: Arthur L. Stinchcombe, "Stratification among Organizations and the Sociology of Revolution", in *Handbook of Organizations*, ed. James G. March (Chicago: Rand McNally, 1965), pp. 169–180; Charles Tilly, *From Mobilization to Revolution* (Reading, Mass.: Addison-Wesley, 1978), ch. 7; D. E. H. Russell, *Rebellion, Revolution, and Armed Force* (New York: Academic Press, 1974), ch. 4. Те, кто хочет оставить изменение необязательным, обычно утверждают, что от этого ничего не теряется, так как после изучения причин всех восстаний – принесших реальные перемены или нет – можно далее начать задавать вопросы о том, какие дополнительные причины объясняют подмножество восстаний, которые действительно привели к успешным переменам. Но чтобы принять такую аргументацию, надо быть готовым исходить из того, что успешные социально-революционные трансформации не имеют отличительных, долгосрочных, структурных причин или предпосылок. Нужно исходить из допущения о том, что социальные революции – это просто политические революции или восстания масс, которые обладают некоторыми дополнительными, краткосрочными компонентами, такими как военные успехи или установка идеологических лидеров на перемены после захвата власти. Вся аргументация в этой книге строится на противоположном допущении о том, что социальные революции на самом деле имеют долгосрочные причины и что они вырастают из структурных противоречий и напряжения, внутренне присущих старым режимам.

⁸ Здесь я не претендую на то, чтобы дать обзор всей литературы по революциям в социальных науках. Такие обзоры приводятся в двух книгах: A. S. Cohan, *Theories of Revolution: An Introduction* (New York: Halsted Press, 1975); Mark N. Hagopian, *The Phenomenon of Revolution* (New York: Dodd, Mead, 1974). Полезную критику можно найти в: Isaac Kramnick, "Reflections on Revolution: Definition and Explanation in Recent Scholarship", *History and Theory* 11:1 (1972), pp. 26–63; Michael Freeman, "Review Article: Theories of Revolution", *British Journal of Political Science* 2:3 (July 1972), pp. 339–359; Barbara Salert, *Revolutions and Revolutionaries: Four Theories* (New York: Elsevier, 1976); Lawrence Stone, "Theories of Revolution", *World Politics* 18:2 (January 1966), pp. 159–176; Perez Zagorin, "Theories of Revolution in Contemporary Historiography", *Political Science Quarterly* 88:1 (March 1973), pp. 23–52; Theda Skocpol, "Explaining Revolutions: In Quest of a Social-Structural Approach", in *The Uses of Controversy in Sociology*, eds. Lewis A. Coser, Otto N. Larsen (New York: Free Press, 1976), pp. 155–175.

утверждать, что, в противоположность способам объяснения, используемым доминирующими в настоящий момент теориями, социальные революции должны анализироваться на основе структурной перспективы, уделяющей особое внимание международным контекстам и внутренним и зарубежным процессам, влияющим на распад государственных организаций старых порядков и построение новых, революционных государственных организаций. Более того, я буду доказывать, что сравнительно-исторический анализ представляет собой наиболее уместный способ разработать такие объяснения революций, которые одновременно и исторически обоснованы, и выходят за рамки единственных в своем роде случаев, давая возможность обобщения.

Чтобы облегчить дальнейшее изложение этих теоретических и методологических альтернатив, целесообразно выделить основные типы теорий революции в социальных науках, вкратце обрисовав важные характеристики каждого из них, воплощенные в исследованиях какого-либо автора, концепция которого служит типичным представителем того или иного типа теорий. Те виды теорий, которые я собираюсь резюмировать таким образом, следует называть «общими» теориями революции – то есть они представляют собой довольно широко сформулированные концептуальные схемы и гипотезы, чтобы их можно было применять для множества конкретных исторических случаев. Данная книга не представляет собой научное предприятие такого рода, к которому стремятся эти общие теории. Напротив, как и другие исторически фундированные сравнительные исследования революций (такие как «Социальные истоки диктатуры и демократии» Баррингтона Мура-младшего, «Крестьянские войны двадцатого века» Эрика Вульфа и «Современные революции» Джона Данна⁹), эта книга в основном посвящена глубокому анализу узкого ряда случаев. Но, так же как и эти родственные работы (и, возможно, даже более целенаправленно, чем последние две из них), эта книга ставит задачу не просто изложить эти случаи один за другим, но прежде всего понять и объяснить общую логику процессов, действующих в рассматриваемом ряду революций. Очевидно, что те виды концепций и гипотез, которые мы находим в общих теориях революции, потенциально применимы для объяснительных задач историка-компаративиста. В действительности, любое сравнительное исследование либо основывается на идеях, выдвигаемых в социальных науках теоретиками революции, начиная от Маркса и вплоть до более современных авторов, либо выстраивается им в пику. Таким образом, из этого следует, что краткий обзор общих теорий, хотя и не позволит нам изучить намного более богатую аргументацию, которой располагают сравнительно-исторические исследования революций, тем не менее, будет экономным способом выявить основные теоретические вопросы для дальнейшего их обсуждения.

Я полагаю, что целесообразно рассмотреть важнейшие современные теории революции социальных наук, сгруппировав их в четыре основных «семейства», к которым я последовательно обращаюсь. Очевидно, что наиболее релевантной из этих групп являются марксистские теории; ключевые идеи этой группы наилучшим образом представлены в работах самого Карла Маркса. Будучи активными сторонниками такого способа социальных изменений, марксисты выступают социальными исследователями, которые заинтересованы в наиболее последовательном осмыслении социальных революций как таковых. Разумеется, в течение бурного столетия после смерти Маркса в марксистской интеллектуальной и политической традиции возникла масса расходящихся тенденций. Последующие марксистские теоретики революции разнятся от технологических детерминистов, как Николай Бухарин (в «Историческом материализме»¹⁰), до

⁹ Barrington Moore, Jr., *Social Origins of Dictatorship and Democracy: Lord and Peasant in the Making of the Modern World* (Boston: Beacon Press, 1966); Мур-младший Б. Социальные истоки диктатуры и демократии: роль помещика и крестьянина в создании современного мира. Москва: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016; Eric Wolf, *Peasant Wars of the Twentieth Century* (New York: Harper & Row, 1969); John Dunn, *Modern Revolutions: An Introduction to the Analysis of a Political Phenomenon* (Cambridge: Cambridge University Press, 1972).

¹⁰ Nikolai Bukharin, *Historical Materialism: A System of Sociology*, trans. from the 3rd Russian ed., 1921 (Ann Arbor: University

политических стратегов, таких как Ленин и Мао¹¹, западных марксистов (Георг Лукач, Антонио Грамши) и современных структуралистов, таких как Луи Альтюссер¹². Тем не менее, сам исходный подход к революциям Маркса остается непререкаемой, хотя и по-разному интерпретируемой, основой для всех этих позднейших марксистов.

Можно выделить основные элементы теории Маркса, нисколько не отрицая того, что всем этим элементам можно придавать разный вес и по-разному интерпретировать. Маркс понимал революции не как изолированные эпизоды насилия или конфликтов, но как классовые движения, вырастающие из объективных структурных противоречий внутри исторически развивающихся и по своей сути пронизанных конфликтами обществ. Для Маркса ключ к пониманию любого общества лежит в его способе производства (технологии и разделение труда) и классовых отношениях по поводу собственности и присвоения прибавочного продукта. Последние, производственные отношения, особенно важны:

Непосредственное отношение собственников условий производства к непосредственным производителям – отношение, всякая данная форма которого каждый раз естественно соответствует определенной ступени развития способа труда, а потому и общественной производительной силе последнего, – вот в чем мы всегда раскрываем самую глубокую тайну, скрытую основу всего общественного строя, а следовательно, и политической формы отношений суверенитета и зависимости, короче, всякой данной специфической формы государства¹³.

Основным источником революционных противоречий в обществе, согласно наиболее общей теоретической формулировке Маркса, является появление разрыва внутри способа производства между социальными силами и социальными отношениями производства.

На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями, или – что является только юридическим выражением последних – с отношениями собственности, внутри которых они до сих пор развивались. Из форм развития производительных сил эти отношения превращаются в их оковы. Тогда наступает эпоха социальной революции¹⁴.

В свою очередь, этот разрыв находит выражение в усиливающихся классовых конфликтах. Зарождение нового способа производства в рамках существующего (капитализма внутри

of Michigan Press, 1969); Бухарин Н. И. Теория исторического материализма: популярный учебник марксистской социологии. Москва: Госиздат, 1928 (особенно гл. 7).

¹¹ См: Robert C. Tucker, ed., *The Lenin Anthology* (New York: Norton, 1975), особенно части 1–3; Stuart R. Schram, ed., *The Political Thought of Mao Tse-tung*, rev. and enlarged ed. (New York: Praeger, 1969), особенно части 2–6. Прекрасное изложение основ ленинской и маоистской теорий революции можно найти в: Cohan, *Theories of Revolution*, ch. 5.

¹² См. в особенности: Georg Lukacs, *History and Class Consciousness*, trans. Rodney Livingstone (Cambridge: The MIT Press, 1971); Лукач Г. История и классовое сознание. Исследования по марксистской диалектике. Москва: Логос-Альтерра, 2003; Antonio Gramsci, *Selections from the Prison Notebooks*, ed. and trans. Quintin Hoare and Geoffrey Nowell Smith (New York: International Publishers, 1971); Грамши А. Тюремные тетради (избранное). Москва: Иностранная литература, 1959; Louis Althusser, "Contradiction and Overdetermination", in *For Marx*, ed. L. Althusser, trans. Ben Brewster (New York: Vintage Books, 1970), pp. 87–128; Альтюссер Л. Противоречие и сверхдетерминация // За Маркса. Москва: Праксис, 2006. С. 127–186. Обзор исторического развития различных течений «западного марксизма» можно найти в: Perry Anderson, *Considerations on Western Marxism* (London: New Left Books, 1976); Андерсон П. Размышления о западном марксизме. Москва: Интер-Вепко, 1991.

¹³ Karl Marx, *Capital* (New York: International Publishers, 1967), vol. 3, *The Process of Capitalist Production as a Whole*, ed. Frederick Engels, p. 791; Маркс К. Капитал. Т. 3 // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 25. Ч. II. Москва: Издательство политической литературы, 1955–1974. С. 354.

¹⁴ Lewis S. Feuer, *Marx and Engels: Basic Writings on Politics and Philosophy* (New York: Doubleday (Anchor Books), 1959), pp. 43–44, 53. Маркс К. К критике политической экономии. Предисловие // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 13. Москва: Издательство политической литературы, 1955–1974. С. VIII.

феодализма, социализма в рамках капитализма) создает динамичную основу для роста единства и сознания каждого протореволюционного класса в рамках его борьбы с существующим господствующим классом. Таким образом, «средства производства и обмена, на основе которых сложилась буржуазия, были созданы в феодальном обществе»¹⁵, что и привело к европейским буржуазным революциям.

Каждая из этих ступеней развития буржуазии сопровождалась соответствующим политическим успехом. Угнетенное сословие при господстве феодалов, вооруженная и самоуправляющаяся ассоциация в коммуне, тут – независимая городская республика, там – третье податное сословие монархии, затем, в период мануфактуры – противовес дворянству в сословной или в абсолютной монархии и главная основа крупных монархий вообще, наконец, со времени установления крупной промышленности и всемирного рынка, она завоевала себе исключительное политическое господство в современном представительном государстве¹⁶.

Подобным же образом, с установлением капитализма

...прогресс промышленности, невольным носителем которого является буржуазия, бессильная ему сопротивляться, ставит на место разъединения рабочих конкуренцией революционное объединение их посредством ассоциации¹⁷.

Пролетариат проходит различные ступени развития. Его борьба против буржуазии начинается вместе с его существованием. Сначала борьбу ведут отдельные рабочие, потом рабочие одной фабрики, затем рабочие одной отрасли труда в одной местности...

Рабочие время от времени побеждают, но эти победы лишь преходящи. Действительным результатом их борьбы является не непосредственный успех, а все шире распространяющееся объединение рабочих. Ему способствуют все растущие средства сообщения, создаваемые крупной промышленностью и устанавливающие связь между рабочими различных местностей. Лишь эта связь и требуется для того, чтобы централизовать многие местные очаги борьбы, носящей повсюду одинаковый характер, и слить их в одну национальную, классовую борьбу.

[В результате мы имеем] более или менее прикрытую гражданскую войну внутри существующего общества вплоть до того пункта, когда она превращается в открытую революцию, и пролетариат основывает свое господство посредством насильственного ниспровержения буржуазии¹⁸.

Сама революция совершается путем классового действия, возглавляемого обладающим самосознанием, растущим революционным классом (то есть буржуазией в буржуазных революциях и пролетариатом в социалистических). Возможна поддержка революционного класса другими союзническими классами, такими как крестьянство, но эти союзники никогда в полной мере не обладают классовым сознанием и политической организацией национального масштаба. В случае успеха революция знаменует собой переход от предшествующего способа производства и формы классового господства к новому способу производства, в котором новые общественные отношения производства, новые политические и идеологические формы и, в целом, господство нового революционного класса-триумфатора создают подходящие условия

¹⁵ Karl Marx and Frederick Engels, *Selected Works* (New York: International Publishers, 1968), p. 40; Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 4. Москва: Издательство политической литературы, 1955–1974. С. 429.

¹⁶ Ibid., p. 37; Там же. С. 426.

¹⁷ Karl Marx and Frederick Engels, *Selected Works*, p. 46; Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 4. С. 435–436.

¹⁸ Ibid., pp. 42–43, 45; Там же. С. 431; 432–433.

для дальнейшего развития общества. Короче говоря, Маркс рассматривает революции как производные от способов производства, основанных на делении общества на классы, и как трансформирующие один способ производства в другой через классовые конфликты.

Три другие семьи теорий революции в основном сформировались намного позже, чем марксизм (хотя все они берут отдельные темы у классиков социальной теории, таких как Токвиль, Дюркгейм, Вебер, а также Маркс). Действительно, в последние два десятилетия наблюдается стремительный рост теорий революции в американской общественной науке. Эта недавняя поросль прежде всего старается понять корни социальной нестабильности и политического насилия, нередко с декларируемой целью помочь существующим властям предотвратить их или улучшить условия внутри страны и за рубежом. Тем не менее, каким бы ни было предполагаемое их применение, эти тщательно продуманные теории разработаны, чтобы либо объяснить революции как таковые, либо открыто отнести их к какому-то более широкому классу явлений, на объяснение которого эти теории претендуют. Большинство из этих новых теорий можно отнести к одному из трех основных подходов: *общепсихологическим* теориям, пытающимся объяснить революции в категориях психологических мотиваций людей для участия в политическом насилии или присоединения к оппозиционным движениям¹⁹; теориям *системного/ценностного консенсуса*, старающимся дать объяснение революциям как ожесточенной реакции идеологических движений на острый дисбаланс в социальных системах²⁰; теориям *политического конфликта*, утверждающим, что конфликт между властями и различными организованными группами, борющимися за власть, должен быть помещен в центр внимания, чтобы объяснить коллективное насилие и революции²¹. Важные и типичные теоретические работы были написаны в рамках каждого из этих подходов: «Почему люди бунтуют» Теда Гарра (общепсихологический); «Революционное изменение» Чалмерса Джонсона (теории системного/ценностного консенсуса) и «От мобилизации к революции» Чарльза Тилли (теории политического конфликта).

¹⁹ Веря в то, что революции возникают в сознании людей, эти теоретики полагаются на различные психологические теории динамики мотиваций. Некоторые основывают свои аргументы на когнитивных теориях, например: James Geschwender, "Explorations in the Theory of Social Movements and Revolution", *Social Forces* 42:2 (1968), pp. 127–135; Harry Eckstein, "On the Etiology of Internal Wars", *History and Theory* 4:2 (1965), pp. 133–163; David C. Schwartz, "A Theory of Revolutionary Behavior", in *When Men Revolt and Why*, ed. James C. Davies (New York: Free Press, 1971), pp. 109–132. Однако преобладающий и наиболее полно разработанный вариант общепсихологической теории базируется на теориях фрустрации-агрессии, объясняющих насильственное поведение. Среди важных теоретиков и работ: James C. Davies, "Toward a Theory of Revolution", *American Sociological Review* 27 (1962), pp. 5–18; James C. Davies, "The J-Curve of Rising and Declining Satisfaction as the Cause of Some Great Revolutions and a Contained Rebellion", in *Violence in America*, eds. Hugh Davis Graham and Ted Robert Gurr (New York: Signet Books, 1969), pp. 671–709; Ivo K. Feierabend and Rosalind L. Feierabend, "Systemic Conditions of Political Aggression: An Application of Frustration-Aggression Theory", in *Anger, Violence and Politics*, eds. Ivo K. Feierabend, Rosalind L. Feierabend and Ted Robert Gurr (Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall, 1972), pp. 136–183; Betty A. Nesvold, "Social Change and Political Violence: Cross-National Patterns", in *Violence in America*, eds. Davies and Gurr, pp. 60–68; Ted Robert Gurr, "A Causal Model of Civil Strife: A Comparative Analysis Using New Indices", *American Political Science Review* 62 (December 1968), pp. 1104–1124; Ted Robert Gurr, "Psychological Factors in Civil Violence", *World Politics* 20 (January 1968), pp. 245–278.

²⁰ К этой категории (помимо книги Чалмерса Джонсона, на которую я ссылаюсь в сноске 33) я отношу: Talcott Parsons, "The Processes of Change of Social Systems", in *The Social System*, Talcott Parsons (New York: Free Press, 1951), ch. 11; Anthony F. C. Wallace, "Revitalization Movements", *American Anthropologist* 58 (April 1956), pp. 264–281; Neil J. Smelser, *Theory of Collective Behavior* (New York: Free Press, 1963); Edward A. Tiryakian, "A Model of Societal Change and Its Lead Indicators", in *The Study of Total Societies*, ed. Samuel Z. Klausner (New York: Doubleday (Anchor Books), 1967), pp. 69–97.

²¹ Работы теоретиков политического конфликта включают: Anthony Oberschall, *Social Conflict and Social Movements* (Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall, 1973); Anthony Oberschall, "Rising Expectations and Political Turmoil", *Journal of Development Studies* 6:1 (October 1969), pp. 5–22; William H. Overholt, "Revolution", in *The Sociology of Political Organization* (Croton-on-Hudson, N.Y.: The Hudson Institute, 1972); D. E. R. Russell, *Rebellion, Revolution and Armed Force* (New York: Academic Press, 1974); Charles Tilly, "Does Modernization Breed Revolution?", *Comparative Politics* 5:3 (April 1973), pp. 425–447; Charles Tilly, "Revolutions and Collective Violence", in *Handbook of Political Science*, eds. Fred I. Greenstein and Nelson W. Polsby (Reading, Mass.: Addison-Wesley, 1975), vol. 3, *Macropolitical Theory*, pp. 483–556.

В работе «Почему люди бунтуют»²² Тед Гарр стремится разработать общую, основанную на психологии теорию величины и форм «политического насилия», определяемого как

...все виды коллективных атак против политического режима в рамках политической общины с их участниками, включая соперничающие политические группировки, равно как и их членов, – а также с их политическими курсами. Политическое насилие представляет собой ряд событий, общим свойством которых является реальное или угрожаемое применение силовых действий... Это понятие относится и к революции... Оно включает в себя также партизанские войны, государственные перевороты, бунты и мятежи²³.

Теория Гарра сложна и полна интересных нюансов в своем полном изложении, но ее сущность довольно проста: политическое насилие имеет место тогда, когда многие люди в обществе испытывают гнев, особенно если существующие культурные и практические условия стимулируют агрессию против политических целей. А гnevаются люди тогда, когда возникает разрыв между ценными вещами и возможностями, на которые они надеются, и вещами и возможностями, которые они в действительности получают – условие, известное как «относительная депривация». Гарр предлагает особые модели для объяснения основных форм политического насилия. Он выделяет «беспорядки», «заговор» и «внутреннюю войну». Революции включаются в категорию внутренней войны, наряду с крупномасштабным терроризмом, партизанскими войнами и гражданскими войнами. От других форм внутренние войны отличает то, что они более организованы, чем беспорядки, а также носят более массовый характер по сравнению с заговором. Таким образом, революции логически объясняются в основном как следствие широко распространенной, интенсивной и разносторонней депривации в обществе, затрагивающей и массы, и тех, кто стремится пополнить ряды элиты²⁴.

Работа «От мобилизации к революции» Чарльза Тилли²⁵ представляет собой, так сказать, теоретическую кульминацию подхода политического конфликта, рожденного в полемическом противостоянии с объяснениями политического насилия на основе гипотезы фрустрации-агрессии, подобными объяснению Теда Гарра. Основные контраргументы убедительны и могут быть легко сформулированы. Теоретики политического конфликта утверждают, что каким бы сильным ни было недовольство массы людей, они не могут участвовать в политическом действии (включая насилие), если не являются частью, по крайней мере, минимально организованных групп с доступом к определенным ресурсам. И даже в этом случае правительства или соперничающие группы могут успешно подавить желание участвовать в коллективном действии, сделав цену этого слишком высокой. Более того, теоретики политического конфликта заявляют, как это звучит в формулировке Тилли,

...что революции и коллективное насилие, как правило, происходят непосредственно из главных политических процессов населения, а не выражают распространение напряжения и недовольства в нем... что конкретные требования и контртребования к существующему правительству со стороны различных мобилизованных групп важнее, нежели общая

²² Ted Robert Gurr, *Why Men Rebel* (Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1970); Гарр Т. Р. *Почему люди бунтуют*. Санкт-Петербург: Питер, 2005.

²³ Ted Robert Gurr, *Why Men Rebel*, pp. 3–4; Гарр Т. Р. *Почему люди бунтуют*. G. 42–43.

²⁴ Ibid., особенно pp. 334–47; Там же. G. 422–436.

²⁵ Charles Tilly, *From Mobilization to Revolution* (Reading, Mass.: Addison-Wesley, 1978).

удовлетворенность или недовольство этих групп, и что притязания на существующие места в структуре власти имеют решающее значение²⁶.

На самом деле Тилли отказывается делать насилие как таковое предметом своего анализа, так как считает, что проявления коллективного насилия в реальности суть только побочные продукты нормальных процессов конкуренции групп вокруг власти и взаимоисключающих целей. Вместо этого предметом исследования служит «коллективное действие», определяемое как «совместное действие людей, преследующих общие интересы»²⁷. Тилли анализирует коллективное действие с помощью двух общих моделей: «модели политической системы» и «модели мобилизации»²⁸. Основные элементы государственной модели – это правительства (организации, контролирующие основные концентрированные средства принуждения в рамках населения) и группы, участвующие в борьбе за власть, включая как членов политической системы (соперников, обладающих рутинным, дешевым доступом к правительственным ресурсам) так и претендентов на вход в политическую систему (всех остальных соперников). Модель мобилизации включает переменные, разработанные для объяснения образцов коллективного действия, в которое вовлечены данные соперники. Эти переменные описывают групповые интересы, степени организации, количества ресурсов, контролируемых коллективно, а также возможностей и угроз, с которыми данные соперники сталкиваются в своих отношениях с правительством и другими группами, участвующими в борьбе за власть.

Революция для Тилли выступает особым случаем коллективного действия, в рамках которого (все) соперники сражаются за верховную политическую власть над населением и в котором претендентам удастся, по крайней мере в некоторой степени, вытеснить обладателей власти из политической системы²⁹. Согласно этой концепции, причины революционной ситуации «множественного суверенитета» («многовластия») включают следующие: во-первых, следует принимать во внимание любые долгосрочные социальные тренды, которые перемещают ресурсы от одних общественных групп к другим (особенно если реципиенты были ранее исключены из политической системы). Во-вторых, важно изучать любые среднесрочные события, такие как распространение революционных идеологий и усиление народного недовольства, которые делают весьма вероятным появление революционных борцов за верховную власть, а также поддержку их притязаний большими группами населения. И наконец,

...революционная ситуация наступает, когда ранее кроткие члены... общества сталкиваются с одновременными и полностью несовместимыми требованиями со стороны власти и со стороны альтернативной организации, претендующей на контроль над правительством – и станут подчиняться альтернативной организации. Они будут платить этой организации налоги, снабжать ее армию солдатами, обеспечивать продуктами питания ее функционеров, почитать ее символы, тратить время на службе ей или отдавать иные ресурсы, несмотря на запрет все еще существующего правительства, которому они ранее повиновались. Так начинается множественный суверенитет (многовластие)³⁰.

Успех революции, в свою очередь, зависит не только от возникновения множественного суверенитета. Он также, вероятно, зависит от «формирования коалиций между членами политической системы и соперниками, выдвигающими исключаящие альтернативные притязания

²⁶ Tilly, "Does Modernization Breed Revolution?", p. 436.

²⁷ Tilly, *From Mobilization to Revolution*, p. 7.

²⁸ *Ibid.*, ch. 3.

²⁹ Tilly, *From Mobilization to Revolution*, ch. 7.

³⁰ Tilly, "Revolutions and Collective Action", in *Handbook of Political Science*, eds. Greenstein and Polsby, vol. 3, *Macropolitical Theory*, pp. 520–521.

на контроль над правительством»³¹. И успех революции определенно зависит от того, сможет ли «революционная коалиция поставить под свой контроль значительные силы»³². У революционеров, претендующих на власть, появляется возможность одержать победу и вытеснить из политической системы властей предрержащих только при наличии этих дополнительных условий.

Если Тед Гарр и Чарльз Тилли анализируют революции как особый тип политических событий, выражаемый в категориях общих теорий политического насилия или коллективного действия, то Челмерс Джонсон в «Революционном изменении»³³ по аналогии с Марксом анализирует революции из перспективы макросоциологической теории социальной интеграции и изменения. Как и изучение физиологии и патологии, утверждает Джонсон, «исследование революции неотделимо от исследования жизнеспособных, функционирующих обществ»³⁴. Черпая вдохновение у парсонсианцев, Джонсон постулирует, что нормальное, бескризисное общество должно рассматриваться как ценностно-скоординированная социальная система, функционально адаптированная к требованиям своей среды. Такая социальная система представляет собой внутренне согласованный набор институтов, выражающих и определяющих основные ценностные ориентации общества в нормах и ролях. Эти ориентации также интернализируются благодаря процессам социализации, чтобы служить личными нравственными и определяющими реальность стандартами для огромного большинства нормальных взрослых членов общества. Более того, политическая власть в обществе должна быть легитимирована через общественные ценности.

Революции и определяются, и объясняются Джонсоном на основе этой модели ценностно-скоординированной социальной системы. Насилие и изменение, утверждает Джонсон, – это отличительные черты революции: «совершить революцию означает прибегнуть к насилию в целях изменения системы; точнее, это означает целенаправленную реализацию стратегии насилия с целью повлиять на изменение в социальной структуре»³⁵. В случае успеха революции прежде всего меняют ключевые ценностные ориентации общества. И целенаправленная попытка совершить это принимает форму ценностноориентированного идеологического движения, готового использовать насилие против существующих властей. Однако такое движение вообще не может возникнуть, если существующая социальная система не вошла в состояние кризиса. А это происходит, согласно Джонсону, когда ценности и среда становятся серьезно «десинхронизованы» благодаря либо внешним, либо внутренним искажениям – особенно новым ценностям или технологиям. Когда начинается десинхронизация, люди в обществе становятся дезориентированными и, вследствие этого, открытыми для обращения к альтернативным ценностям, предлагаемому революционным движением. Если это происходит, существующие власти теряют свою легитимность и должны все в большей мере полагаться на насилие для поддержания порядка. Тем не менее, они могут успешно делать это лишь в течение некоторого времени. Если правители умны, гибки и искусны, они прибегнут к реформам для «ресинхронизации» ценностей и среды. Но если власти упорно не желают идти на компромисс, тогда системное изменение насильственным путем вместо них осуществит революция. Это происходит, как только появится некий «судьбоносный фактор», который подорвет непрочную и временную способность властей опираться на насилие.

³¹ Tilly, *From Mobilization to Revolution*, p. 213.

³² Ibid., p. 212.

³³ Chalmers Johnson, *Revolutionary Change* (Boston: Little Brown, 1966). В последующем кратком изложении его теории я опираюсь в основном на главы 1–5.

³⁴ Ibid., p. 3.

³⁵ Chalmers Johnson, *Revolutionary Change*, p. 57.

Превосходящая сила может отсрочить всплеск насилия; тем не менее, разделение труда, поддерживаемое силой казаков, больше не представляет собой ценностно скоординированного сообщества, и в подобной ситуации (например, такой, которая сегодня сложилась в Южной Африке [1966]) революции характерны и, *ceteris paribus*³⁶, восстание неизбежно. Это факт раскрывает... необходимость изучения структуры ценностей системы и ее проблем для того, чтобы сколько-нибудь содержательным образом осмыслить революционную ситуацию³⁷.

Успешная революция в конце концов кладет конец десинхронизации ценностей социальной системы и среды, с которой некомпетентные или упрямые власти старого режима были не в состоянии справиться. По мнению Джонсона, именно революция, а не эволюционное изменение, становится возможной и необходимой только потому, что дореволюционные власти терпят фиаско и теряют легитимность. Таким образом, теория общества и социального изменения Джонсона делает ценностные ориентации и политическую легитимность ключевыми элементами для объяснения возникновения революционных ситуаций, возможностей выбора, стоящих перед существующими властями, а также для объяснения природы и успеха революционных сил.

Даже из такого краткого обзора должно быть вполне очевидно, что в социальных науках между основными типами теорий имеют место широкие разногласия не только относительно объяснения революций, но даже в том, что касается их определения. Разумеется, данная книга не претендует на нейтралитет по отношению к этим разногласиям. Вполне очевидно, что концепция социальной революции, используемая здесь, в большой степени базируется на марксистском подходе, придающем большое значение социально-структурным изменениям и классовым конфликтам. Эта концепция не абстрагируется от проблем структурной трансформации, как это делают Гарр и Тилли, и не придает ключевого значения изменению ценностей общества в революционных переменах, как это делает Джонсон. Более того, в моем общем исследовании причин и следствий социальных революций я отклоняю объяснительные гипотезы об относительной депривации и недовольстве – именно потому, что принимаю критику этих идей, разработанную теоретиками политического конфликта. Я также оставляю в стороне (по причинам, которые станут ясны позднее в процессе развертывания аргументации) понятия системной разбалансировки, делегитимации власти и идеологического обращения к революционному мировоззрению. Вместо этого, с целью понять некоторые конфликты, свойственные социальным революциям, я буду в большей степени опираться на определенные идеи, заимствованные из марксистской перспективы и перспективы политического конфликта.

Марксистская концепция классовых отношений, укорененных в контроле над средствами производства и присвоении прибавочного продукта непосредственных производителей непродуцированными группами, на мой взгляд, является незаменимым теоретическим инструментом для выявления одного из базовых общественных противоречий. Классовые отношения всегда являются потенциальным источником структурного социального и политического конфликта, а классовые конфликты и изменения в классовых отношениях действительно играют видную роль в успешных социально-революционных трансформациях. В тех из них, которые будут детально изучаться в этой книге (речь идет о Франции, России и Китае), классовые отношения между крестьянами и помещиками будут проанализированы особенно тщательно. Эти отношения были местом подспудной напряженности, влиявшей на экономическую и политическую динамику дореволюционных старых порядков, даже в те периоды, когда классовые

³⁶ При прочих равных условиях (лат.) – Прим. пер.

³⁷ Chalmers Johnson, *Revolutionary Change*, p. 32.

конфликты открыто не вспыхивали. Более того, во время французской, русской и китайской революций крестьяне действительно открыто восставали против классовых привилегий помещиков, и эти классовые конфликты в сельской местности внесли непосредственный и опосредованный вклад в общие социально-политические трансформации, которые были достигнуты в ходе этих революций. Таким образом, ясно, что важно понять, почему и как именно эти открытые классовые конфликты развивались в ходе революций.

Для этого классовый анализ необходимо дополнить идеями теоретиков политического конфликта. Одно дело – выявлять подспудное, потенциальное напряжение, укорененное в объективных отношениях классов, понимаемых на марксистский манер. И совсем другое – понять, когда и как члены классов оказываются *в состоянии* эффективно бороться за свои интересы. Когда и как подчиненные классы могут успешно сражаться с теми, кто их эксплуатирует? А также когда и как господствующие классы оказываются способны на коллективное политическое действие? Для ответа на такие вопросы особенно плодотворна аргументация теории политического конфликта о том, что коллективное действие базируется на групповой организации и доступе к ресурсам, зачастую включающим средства принуждения. Поэтому в данной книге при анализе исторических примеров я буду не только выявлять классы и их интересы. Я также буду устанавливать наличие или отсутствие (и конкретные формы) организации и ресурсов, которыми располагают члены классов, для борьбы за свои интересы.

Таким образом, в этих конкретных отношениях я нахожу аспекты двух из существующих теоретических подходов релевантными для понимания социальных революций. Тем не менее, как ранее уже было упомянуто, основная цель этой главы не в том, чтобы оценить сильные и слабые стороны различных семейств теорий революции. Она скорее в том, чтобы оспорить ряд концепций, допущений и способов объяснения, которые выступают общими для всех существующих теорий, несмотря на их видимые различия.

В качестве альтернативы общим чертам ныне доминирующих теорий революции необходимо обозначить три основных принципа анализа. Во-первых, адекватное понимание социальных революций требует, чтобы исследователь придерживался не волюнтаристской, а структурной перспективы исследования ее причин и следствий. Все существующие теоретические подходы выстраиваются на основе волюнтаристских представлений о том, как происходят революции. Во-вторых, социальные революции не могут быть объяснены без систематического обращения к международным структурам и всемирноисторическим процессам. Однако существующие теории фокусируют внимание преимущественно или исключительно на внутригосударственных конфликтах и процессах модернизации. В-третьих, для объяснения причин и следствий социальных революций государства необходимо рассматривать как организации контроля и принуждения, потенциально автономные от социально-экономических интересов и структур (хотя и обусловленные ими). Но превалирующие в настоящее время теории революции вместо этого либо аналитически смешивают государство и общество, либо сводят политические и государственные действия к выражению социально-экономических сил и интересов.

Каждое из этих положений обладает фундаментальной значимостью, не только в качестве критики общих недостатков существующих теорий, но также как основа для анализа социальных революций в этой книге в целом. Тем самым каждое из них заслуживает систематической проработки одно за другим.

Структурная перспектива

Если отступить от споров между основными подходами к революции, то наиболее поразительным выглядит сходство самого образа всего революционного процесса, который лежит в основе и пропитывает все четыре подхода. Согласно этому общему образу, вначале изменения в социальных системах или обществах порождают поводы для недовольства, социаль-

ную дезориентацию или новые классовые или групповые интересы и потенциал для коллективной мобилизации. Затем развивается целенаправленное, массовое движение (объединенное с помощью идеологии и организации), которое затем сознательно пытается опрокинуть существующее правительство, а возможно и весь социальный порядок. В заключение, революционное движение вступает в схватку с властями или господствующим классом и, в случае победы, принимается за установление собственной власти и реализацию своей программы.

Нечто наподобие этой модели обобщенного революционного процесса как общественного движения, целенаправленно вдохновленного или управляемого, разделяется всеми теориями, которые были рассмотрены (с теми различиями, которых требуют характерные теоретические и методологические особенности каждого подхода). Ни в одной из этих перспектив ни разу не появилось сомнений в том, что необходимым каузальным условием возникновения революции выступает возникновение преднамеренного усилия – усилия, связывающего воедино лидеров и последователей, нацеленных на свержение существующего политического или социального порядка. Так, для Теда Гарра: «Во-первых, каузальная последовательность в политическом насилии – это прежде всего развитие неудовлетворенности, во-вторых, политизация этой неудовлетворенности и, наконец, в-третьих, реализация ее в насильственном действии, направленном против политических объектов и деятелей»³⁸. И, как это следует из приведенного выше резюме концепции Гарра, революции происходят, только если их лидеры намеренно организуют выражение массового недовольства. Аналогичным образом Чалмерс Джонсон делает акцент на широком распространении личностной дезориентации, за которым следует обращение к альтернативным ценностям. Их продвигает революционное идеологическое движение, которое затем сталкивается с существующими властями. Тилли сосредоточивает свое теоретическое внимание в основном на последней фазе целенаправленного революционного процесса – столкновении организованных революционеров, борющихся за верховную власть, с правительством. Но он также ссылается на психологические и идеологические причины, выдвигаемые на первый план сторонниками теории систем и относительной депривации, чтобы объяснить возникновение революционной организации и ее народную поддержку. Наконец, очевидно, что марксизм также в общем и целом придерживается некоторой разновидности исходной посылки о том, что революции делаются целенаправленными общественными движениями. Дело в том, что марксисты рассматривают возникновение (хотя и прошедшего через длительную подготовительную борьбу) организованного и обладающего самосознанием «класса для себя»³⁹ в качестве необходимого промежуточного условия для развития успешной революционной трансформации, разрешающей противоречия определенного способа производства. Более того, многие теоретические разработки в марксизме после Маркса чрезмерно выделяли наиболее волюнтаристские элементы, присущие исходной теории революций Маркса. Конечно, это неверно в отношении большинства теоретиков Второго Интернационала. Но упор на волюнтаризме был свойственен ленинизму и маоизму, с их акцентом на роли авангардной партии в организации «воли пролетариата». Он также был характерен и для таких западных марксистов, как Лукач и Грамши, которые постулировали важность классового сознания или гегемонии для превращения объективных экономических противоречий в реальные революции.

³⁸ Gurr, *Why Men Rebel*, pp. 12–13; Гарр Т. Р. Почему люди бунтуют. С. 51.

³⁹ Марксисты часто различают, с одной стороны, «класс в себе», состоящий из множества людей, объективно находящихся в сходном положении по отношению к собственности в процессе производства, но не обладающих общим политическим сознанием и организацией. С другой стороны, они приводят «класс для себя», обладающий политическим самосознанием и организацией. Знаменитым примером этого разграничения является рассмотрение Марксом французского крестьянства в «Восемнадцатом брюмера Луи Бонапарта»: Karl Marx and Frederick Engels, *Selected Works* (New York: International Publishers, 1968), pp. 171–172; Маркс К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 8. Москва: Издательство политической литературы 1955–1974. с. 207–211.

Вероятно, стоит отметить, что приверженность целенаправленному образу процесса развития революций приводит к социально-психологическим объяснениям даже тех теоретиков, которые намеревались давать социально-структурные объяснения. Поскольку, согласно этому образу, революционные кризисы происходят только (или преимущественно) в силу появления людей, которые недовольны или дезориентированы, или групп, которые можно мобилизовать для целей революции. А разрушение и трансформация Старого порядка происходят только потому, что для достижения этой цели было сформировано целенаправленное революционное движение. Вследствие этого, теоретики неумолимо подталкиваются к тому, чтобы рассматривать в качестве главных проблем людское недовольство или осознание людьми фундаментально оппозиционных целей и ценностей. К примеру, Тилли первоначально разрабатывал свою теорию коллективного действия с упором на социальную организацию групп и доступ к ресурсам в качестве четкой альтернативы социально-психологическим теориям политического насилия. Но, поскольку он определяет революционные ситуации в категориях *особой цели* (овладения верховной властью) за которую сражаются соперники, Тилли заканчивает тем, что вторит аргументации Джонсона о революционном идеологическом руководстве и гипотезе Гарра о недовольстве в качестве объяснения массовой поддержки, оказываемой революционным организациям⁴⁰. Аналогичным образом неомарксисты, по мере того, как они приходят к рассмотрению классового сознания и партийной организации в качестве ключевых проблем революции, стали все меньше интересоваться объективными, структурными условиями революций. Вместо этого, принимая как саму собой разумеющуюся адекватность марксова экономического анализа объективных социально-исторических условий для революций, они вкладывают инновационный теоретический потенциал в изучение того, что справедливо или ошибочно считается более политически податливыми субъективными условиями осуществления потенциальной революции, когда указанные выше объективные условия присутствуют.

Что неправильно в «целенаправленном» образе развития революций? Во-первых, он явно предполагает, что социальный порядок основывается, фундаментально или непосредственно, на консенсусе большинства (или низших классов) относительно того, что их потребности должны быть удовлетворены. Он предполагает, что предельным и достаточным условием для революции выступает исчезновение этой консенсусной поддержки и, наоборот, что никакой режим не может устоять, если массы раздражены. Хотя, разумеется, такие идеи не могли быть полностью приняты марксистами, они могут прокрасться косвенно, вместе с акцентом на классовое сознание или гегемонию. Гарр и Джонсон, что не удивительно, принимают эти представления совершенно открыто⁴¹. И Тилли, по сути, переходит к их версии, когда изображает власти и революционные организации как конкурентов в борьбе за поддержку народа, а выбор народа как определяющий фактор в том, разовьется или нет революционная ситуация⁴². Те не менее, конечно, любые подобные консенсусные и волюнтаристские концепции социального порядка и дезинтеграции или изменения весьма наивны. Наиболее очевидным образом они опровергаются фактом длительного существования такого вопиюще репрессивного и внутренне нелегитимного режима, как южноафриканский⁴³.

⁴⁰ См. в особенности Tilly, *Mobilization to Revolution*, pp. 202–209.

⁴¹ К примеру, Гарр утверждает, что «общественный порядок поддерживается – а он может только поддерживаться, – когда в рамках его люди обеспечены средствами, позволяющими им работать для достижения своих устремлений» (Гарр Т. Р. Почему люди бунтуют. С. 40). А для Джонсона общества, чтобы сохранять стабильность, должны быть «сообщества носителей общих ценностей».

⁴² См. сноску 30 выше. Это сноска отсылает к работе Тилли, цитата из которой уже приводилась на страницах 38–39.

⁴³ См., напр.: Herbert Adam, *Modernizing Racial Domination: South Africa's Political Dynamics* (Berkeley: University of California Press, 1971), а также Russel, *Rebellion, Revolution, and Armed Force*, chs. 1–3. Обе эти работы подчеркивают слаженность и стабильность южноафриканского государства в качестве основного препятствия к революции, несмотря на недовольство и протесты «не-белого» большинства.

Что более важно, «целенаправленный» образ весьма обманчив относительно и причин, и хода социальных революций, как они реально имели место в истории. Что касается причин, безотносительно того, какие формы социальные революции могут принять в будущем (скажем, в индустриальной, либерально-демократической стране), факт состоит в том, что исторически ни одна успешная социальная революция не была «сделана» мобилизующим массы, открыто революционным движением. Как это точно сформулировал Джереми Бречер: «на самом деле революционные движения редко начинаются с революционных намерений; последние развиваются только в ходе самой борьбы»⁴⁴. Совершенно верно, что революционные организации и идеологии помогают повысить солидарность радикального авангарда до и/или во время революционных кризисов. И они очень облегчают консолидацию новых порядков. Но такие авангарды (не говоря уже об авангардах с большими, мобилизованными и идеологизированными массами последователей) ни в коей мере никогда не создавали революционных кризисов, которыми они пользовались. Вместо этого, как мы увидим в следующих главах, революционные ситуации развиваются благодаря возникновению военно-политических кризисов государства и классового господства. И только благодаря возможностям, созданным в ходе этих кризисов, революционные лидеры и восставшие массы вносили свой вклад в осуществление революционных трансформаций. Кроме этого, восставшие массы очень часто действовали самостоятельно, не будучи непосредственно организованы или идеологически воодушевлены открыто революционными лидерами и целями. Относительно причин исторических социальных революций Уэнделл Филлипс однажды совершенно справедливо отметил: «Революций не делают, революции приходят»⁴⁵.

«Целенаправленный» образ в той же степени вводит в заблуждение относительно хода и результатов исторических революций, в какой и относительно их причин. Дело в том, что он убедительно предполагает, что процессы и результаты революций могут объясняться через деятельность и намерения или интересы ключевой группы (или групп), которые начали революцию. Поэтому, хотя Гарр и не рассматривает революции как нечто помимо исключительно разрушительных действий, он настаивает, что они суть прямое следствие деятельности фрустрированных, разгневанных масс и лидеров, которые являются первоначальной причиной революции. Для Джонсона насильственная смена ценностей, осуществляемая революцией, выступает делом рук идеологического движения, выросшего внутри старой, разбалансированной социальной системы. А марксисты нередко приписывают подспудную логику революционных процессов интересам и действиям соответствующего класса-для-себя, буржуазии или пролетариата.

Но такие представления слишком все упрощают⁴⁶. На самом деле в рамках исторически произошедших революций группы, занимавшие разные позиции и по-разному мотивированные, участвовали в сложном развертывании множественных конфликтов. Эти конфликты были достаточно жестко ограничены и оформлялись существующими социально-экономическими

⁴⁴ Jeremy Brecher, *Strike!* (San Francisco: Straight Arrow Books, 1972), p. 240.

⁴⁵ Цитата Уэнделла Филлипса приведена по работе: Stephen F. Cohen, *Bukharin and the Bolshevik Revolution* (New York: Knopf, 1973), p. 336; Коэн С. Бухарин. Политическая биография 1888–1938. Москва: Прогресс, 1988. С. 402.

⁴⁶ Тилли избегает того, чтобы представлять революционные процессы и итоги как намеренное действие конкретных действующих групп, хотя не отказывается представлять причины революционных ситуаций в категориях целенаправленных движений. Причина в том, что Тилли изображает возникновение революционных ситуаций как деятельность коалиций мобилизованных групп и полагает, что такие коалиции обычно распадаются во время революций, порождая серии межгрупповых конфликтов, которые полностью не контролирует ни одна группа. Такой взгляд на революционные процессы вполне обоснован. Но представление Тилли о революционных ситуациях как вызванных коалициями, намеренно бросающими вызов существующей власти, поражает меня как преувеличивающее роль целенаправленности, по меньшей мере для тех исторических случаев, которые я наиболее пристально изучала. Для этих случаев идея стечения обстоятельств, предполагающая соединение отдельно обусловленных и не координируемых сознательно (или преднамеренно революционных) процессов и групповых усилий, представляется более полезной для исследования причин социальных революций, чем идея межгрупповой коалиции. Мои основания так полагать станут очевидными в свое время, особенно в главах 2 и 3.

и международными условиями. К тому же развивались они различным образом, в зависимости прежде всего от того, как возникала революционная ситуация. Логика этих сложных конфликтов была не подвластна ни одному из классов или групп, вне зависимости от того, какой бы центральной ни казалась его роль в ходе революционного процесса. Кроме того, революционные конфликты неизменно приводили к результатам, которых полностью никто не мог предвидеть, которые не могли служить интересам какой-либо из вовлеченных групп. Поэтому просто бессмысленно пытаться расшифровать логику процессов или результатов социальной революции, принимая волюнтаристическую перспективу или прослеживая действия отдельного класса, элиты или организации – вне зависимости от того, насколько значима ее роль как участника. Хобсбаум очень четко это выразил: «неоспоримо важная роль актеров в драме еще не означает, что они являются также драматургами, режиссерами и оформителями сцены». «Следовательно, – заключает Хобсбаум, – к теориям, которые придают чрезмерное значение волюнтаристским или субъективным элементам в революции, следует относиться настороженно»⁴⁷.

Любое валидное объяснение революции зависит от способности исследователя подняться над мнениями участников для того, чтобы найти важные закономерности, общие для данных исторических случаев, – включая общие институциональные и исторические паттерны там, где произошли революции, и аналогичные паттерны конфликта в тех процессах, благодаря которым шло их развитие. Как указывает историк Гордон Вуд:

Не то чтобы мотивы людей не имели никакого значения; благодаря им действительно совершаются события, включая революции. Но людские цели, особенно во время революций, настолько многочисленны, разнообразны и противоречивы, что их сложное взаимодействие порождает результаты, на которые никто не рассчитывал и даже не мог предвидеть. Именно на это взаимодействие и эти результаты указывают современные историки, когда столь пренебрежительно говорят об этих «основных детерминантах» и «безличных и неумолимых силах», вызывающих Революцию. Историческое объяснение, не учитывающее эти «силы», иными словами, полагающееся просто на понимание сознательных намерений акторов, тем самым будет ограниченным⁴⁸.

Чтобы объяснить социальные революции, нужно, во-первых, рассматривать в качестве проблемы возникновение (а не «создание») революционной ситуации в рамках Старого порядка. Затем нужно уметь выявлять сложное и объективно обусловленное переплетение различных действий групп, находящихся в разном положении, – переплетение, которое оформляет революционный процесс и дает начало новому порядку. Начать осмысление этой сложности можно, только сосредоточив внимание одновременно и на институционально-детерминированных ситуациях и отношениях групп в обществе, и на взаимодействии обществ в рамках развивающихся всемирно-исторических структур. Занять такую безличную и несубъективную перспективу (подчеркивающую паттерны взаимоотношений между группами и обществами) означает действовать исходя из того, что в самом общем смысле можно назвать структурной перспективой исследования социально-исторической реальности. Такая перспектива имеет важнейшее значение для анализа социальных революций.

⁴⁷ Eric Hobsbawm, “Revolution” (paper presented at the Fourteenth International Congress of Historical Sciences, San Francisco, August 1975), p. 10.

⁴⁸ Gordon Wood, “The American Revolution”, in *Revolutions: A Comparative Study*, ed. Lawrence Kaplan (New York: Vintage Books, 1973), p. 129.

Международный и всемирно-исторический контексты

Если структурная перспектива означает фокусировку на отношениях, то последние должны включать и международные отношения – в той же степени, в какой и отношения между находящимися в разных положениях группами внутри стран. Международные отношения способствовали возникновению всех социально-революционных кризисов и неизменно влияли на то, какую форму примут революционная борьба и ее результаты. На самом деле причины и достижения всех современных социальных революций должны рассматриваться в тесной связи с неравномерностью распределения капиталистического экономического развития и с формированием национальных государств в мировом масштабе. К сожалению, существующие теории революции не принимают явным образом такую перспективу. Конечно, они утверждают, что революции связаны с «модернизацией», но это подразумевает почти исключительное сосредоточение внимания на социально-экономических тенденциях и конфликтах внутри государств, рассматриваемых изолированно одно за другим.

Как отметил Рейнхард Бендикс, все концепции модернизационных процессов с необходимостью начинают с опыта Западной Европы, потому что именно там берут начало торгово-промышленные и национальные революции⁴⁹. Однако теоретические подходы, доминировавшие до недавнего времени (а именно, структурно-функциональный эволюционизм и однолинейный марксизм), делали чрезмерные обобщения на основе конкретного опыта развития Англии в XVIII – начале XIX в. По существу, модернизация понималась как внутренняя динамика страны. Экономическое развитие (понимаемое либо как технологические инновации и усиление разделения труда, либо как накопление капитала и подъем буржуазии) рассматривалось как нечто, инициировавшее систему взаимосвязанных сопутствующих изменений в других сферах жизни общества. Исходным допущением обычно является то, что каждое государство, возможно, стимулированное примером или влиянием стран опережающего развития, рано или поздно будет подвержено, в более или менее сжатой версии, того же рода базовой трансформации, которую, очевидно, испытала и Англия. Как писал в 1867 г. Маркс, «страна, промышленно более развитая, показывает менее развитой стране лишь картину ее собственного будущего»⁵⁰. Веком позже американские ученые могут выражать неуверенность относительно степени, в которой конкретно-исторические закономерности развития могут быть абсолютно одинаковыми. Но практически все они по-прежнему обрисовывают свои концепции «идеальных типов», следуя той же логике⁵¹. Представления о модернизации как внутринациональной социально-экономической динамике прекрасно сочетаются с концепциями революций как целенаправленных движений, основанных на развитии общества и способствующих ему. Возможно, быстрое и неоднородное экономическое развитие стимулирует массовые ожидания и затем их фрустрирует, порождая широко распространенное недовольство и политическое насилие, уничтожающее существующую власть. Или же социальная дифференциация обгоняет интеграцию социальной системы, основанной на ценностном консенсусе, и сокращает ее. Это, в свою очередь, стимулирует развитие идеологических движений, которые свергают существующие власти и производят переориентацию ценностей общества. Или, воз-

⁴⁹ Reinhard Bendix, "Tradition and Modernity Reconsidered", *Comparative Studies in Society and History* 9 (1967), pp. 292–313.

⁵⁰ Предисловие к первому немецкому изданию 1 тома «Капитала» (New York: International Publishers, 1967), pp. 8–9; Маркс К. Капитал. Т. I. Предисловие // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 23. С. 9.

⁵¹ Примеры см. в: Neil J. Smelser, "Toward a Theory of Modernization", in *Essays in Sociological Explanation* (Englewood Cliffs, N.O.: Prentice-Hall, 1968), pp. 125–146; W. W. Rostow, *The Stages of Economic Growth* (Cambridge: Cambridge University Press, 1960); Marion J. Levy, *Modernization and the Structure of Society* (Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1965); S. N. Eisenstadt, *Modernization: Protest and Change* (Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall, 1966); Bert F. Hoselitz, "A Sociological Approach to Economic Development", in *Development and Society*, eds. David E. Novack and Robert Lekachman (New York: St. Martin's Press, 1964), pp. 150–162.

можно, зарождение нового способа производства в утробе старого создает основу для подъема нового класса, который устанавливает новый способ производства с помощью революции. В любом случае модернизация вызывает революции, меняя настроения, ценности или потенциал коллективной мобилизации всего народа или групп в обществе. И сама революция создает условия (или, по крайней мере, устраняет препятствия) для дальнейшего социально-экономического развития.

Но концепции модернизации как внутринационального социально-экономического процесса, происходящего аналогичным образом в каждой стране, не позволяют объяснить первоначальные изменения даже в Европе – и в еще меньшей степени объясняют последующие трансформации в остальном мире. С самого начала международные отношения пересекались с существовавшими до этого классовыми и политическими структурами, вызывая и оформляя как различающиеся, так и сходные трансформации в разных странах. Конечно, это верно по отношению к экономическому, торговому и промышленному развитию. В силу распространения капитализма по всему земному шару транснациональные потоки инвестиций и торговли воздействуют на все страны – хотя и неравномерным, а часто и противоположным образом. Сам первоначальный прорыв Англии к капиталистическому сельскому хозяйству и промышленности отчасти зависел от ее сильной позиции на международных рынках с XVII в. и далее. Последовавшая за ней в XIX в. индустриализация в различных странах отчасти (и различным образом) принимала ту или иную форму благодаря международным потокам товаров, мигрантов и инвестиционного капитала, а также благодаря попыткам каждого национального государства повлиять на эти потоки. Более того, по мере включения периферийных регионов мира в мировые экономические сети, выстроенные вокруг индустриально более развитых стран, ранее существовавшие в этих регионах экономические структуры и классовые отношения часто укреплялись или модифицировались таким образом, который был несовместим с дальнейшим самостоятельным и диверсифицированным ростом. Даже если условия впоследствии менялись, так что в некоторых из этих регионов стартовала индустриализация, этот процесс неизбежно шел в формах, которые весьма отличались от тех, что были характерны для более ранних национальных индустриализаций. Нет нужды принимать аргументацию о том, что экономическое развитие отдельных стран на самом деле детерминировано общей структурой и рыночной динамикой «мировой капиталистической системы». Тем не менее нужно отметить, что исторически развивающиеся международные экономические отношения всегда сильно (и по-разному) влияли на развитие экономики отдельных стран⁵².

Другого рода транснациональная структура (международная система соперничающих государств) также влияла на динамику и неравномерный ход мировой истории Нового времени. Европа была не только площадкой капиталистических экономических прорывов, но и континентальной политической структурой, в рамках которой ни одно имперское государство не контролировало всю территорию Европы и ее колоний (после 1450 г.). Экономический обмен систематически осуществлялся на территории более обширной, нежели чем та, которую когда-либо контролировало любое государство. Это означало прежде всего, что увели-

⁵² Фокусирующиеся на внутринациональных процессах теории экономической модернизации были подвергнуты убедительной критике с двух точек зрения. Одна из них нашла классическое выражение в трудах Александра Гершенкрона, чьи наиболее значимые работы собраны в: Alexander Gerschenkron, *Economic in Backwardness Historical Perspective* (Cambridge: Harvard University Press, 1966); Alexander Gerschenkron, *Continuity in History and Other Essays* (Cambridge: Harvard University Press, 1968); Гершенкрон А. Экономическая отсталость в исторической перспективе. Москва: ИД «Дело» РАНХиГС, 2015. Другая критическая точка зрения принадлежит теоретикам «капиталистической мир-системы», чьи взгляды обобщены в: Immanuel Wallerstein, "The Rise and Future Demise of the World Capitalist System: Concepts for Comparative Analysis", *Comparative Studies in Society and History* 16:4 (September 1974), pp. 387–415; Daniel Chirot, *Social Change in the Twentieth Century* (New York: Harcourt Brace Jovanovich, 1977). Теоретики мир-системного анализа особенно успешно указали на недостатки модернизационных подходов, но, в свою очередь, их собственные теоретические объяснения экономического развития были подвергнуты убедительной критике, особенно в: Robert Brenner, "The Origins of Capitalist Development: A Critique of Neo-Smithian Marxism", *New Left Review* no. 104 (July-August 1977), pp. 25–92.

чившийся благодаря географической экспансии европейцев и развитию капитализма приток материальных ценностей никогда просто не направлялся на поддержание громоздкой имперской надстройки, растянувшейся на весь континент. Такой, в конце концов, всегда была участь богатств, генерируемых в других мир-экономиках, охватываемых политическими империями – такими как Рим и Китай. Но европейская мир-экономика была уникальна в том, что развивалась внутри системы соперничающих государств⁵³. По словам Уолтера Дорна,

...именно крайне соперничающий характер системы государств современной Европы отличает ее от политической жизни всех предыдущих и неевропейских цивилизаций мира. Ее сущность заключается в сосуществовании независимых и равных государств, чье стремление к экспансии провоцировало непрекращающиеся военные конфликты, прежде всего препятствующие постоянному подчинению остальных государств какой-либо одной державе⁵⁴.

По мере того как в Англии проходила коммерциализация и первая в истории индустриализация страны, соперничество внутри европейской системы государств форсировало модернизационные процессы по всей Европе⁵⁵. Постоянные войны внутри системы государств побуждали европейских монархов и политических деятелей к организации, централизации и повышению технической оснащенности армий и фискальных органов. Начиная со времен французской революции такие конфликты заставляли их мобилизовывать массы граждан с помощью апелляции к патриотизму. Политические процессы, в свою очередь, оказывали обратное воздействие на паттерны экономического развития, сначала через бюрократические попытки направлять или управлять индустриализацией сверху и, в конце концов, через эксплуатацию вовлеченных масс революционными режимами, как это было в Советской России.

Более того, когда начиная с XVI в. и далее Европа испытывала экономические прорывы, соревновательная динамика европейской системы государств способствовала распространению европейской «цивилизации» по всему земному шару. Первоначально конкуренция государств была одним из условий, облегчивших и способствовавших иберийской колониальной экспансии в Новом Свете. Впоследствии Англия, подстегиваемая соперничеством с Францией по всему миру, боролась за формальный контроль или фактическую гегемонию практически над всеми новыми европейскими колониями и прежними колониальными владениями в Новом Свете – и в конце концов достигла этого. К концу XIX в. соперничество большего числа примерно равных по силе европейских промышленных держав привело к разделу Африки и значительной части Азии на их колониальные владения. В конечном счете после массивных экономических и геополитических сдвигов, вызванных Второй мировой войной, эти колонии стали новыми, формально независимыми странами, теперь уже в рамках глобальной системы государств. К тому времени даже Япония и Китай, страны, традиционно остававшиеся в изоляции от Запада и избежавшие колонизации, также были полностью инкорпорированы в систему государств. По стандартам доиндустриальной эпохи, и Япония, и Китай были развитыми и могущественными аграрными государствами; оба они избежали окончательного или постоянного подчинения во многом потому, что вмешательство Запада запустило революционные восстания, кульминацией которых рано или поздно становился обширный рост оборонительных возможностей этих стран и утверждение их *в рамках* международной системы государств.

⁵³ Эти замечания относительно европейской системы государств базируются на работе: Immanuel Wallerstein, *The Modern World-System: Capitalist Agriculture and the Origins of the European World-Economy in the Sixteenth Century* (New York: Academic Press, 1974), ch. 1.

⁵⁴ Walter S. Dorn, *Competition for Empire* (New York: Harper & Row, 1963), p. 1.

⁵⁵ Хорошее обобщение, подчеркивающее важность конкуренции государств в ходе развития Европы, можно найти в: John Thurber Moffet, *Bureaucratization and Social Control: A Study of the Progressive Regimentation of the Western Social Order*, PhD dissertation, unpublished paper (Columbia University, Department of Sociology, 1971).

Некоторые теоретики мирового капитализма, в особенности Иммануил Валлерстайн, пытаются объяснить в категориях экономического редукционизма структуру и динамику этой (изначально европейской и впоследствии глобальной) международной системы государств⁵⁶. Для этого подобные теоретики обычно исходят из допущения, что отдельные национальные государства – это инструменты, используемые экономически господствующими группами в целях достижения ориентированного на мировой рынок внутреннего развития этих стран и достижения международных экономических преимуществ за их пределами. Но здесь мы принимаем иную перспективу, согласно которой национальные государства являются более фундаментальными организациями, приспособленными для того, чтобы поддерживать контроль над своими территориями и населением, а также принимать потенциальное или реальное участие в военном состязании с другими государствами в рамках международной системы. Международная система государств как транснациональная структура военных состязаний не была изначально создана капитализмом. На всем протяжении мировой истории Нового времени она представляет собой аналитически автономный уровень транснациональной реальности – *взаимозависимой* в своей структуре и динамике с мировым капитализмом, но не сводимой к нему⁵⁷. Военная сила и преимущества (или недостатки) государств на мировой арене не могут быть полностью объяснены в категориях их внутренних экономик или международных экономических позиций. То же относится и к таким факторам, как административная эффективность государства, политические способности к массовой мобилизации и международное географическое положение⁵⁸. Вдобавок к этому на волю и способность государств предпринимать экономические преобразования (которые также могут иметь международные последствия) влияет их военная обстановка, а также существовавшие до нее значимые в военном плане административные и политические возможности⁵⁹. Так же как капиталистическое экономическое развитие форсировало трансформации государств и международной системы, так и они, в свою очередь, оказали обратное влияние на ход и формы накопления капитала внутри государств и в мировом масштабе.

Таким образом, с самих своих европейских истоков модернизация всегда означала национальные процессы только в контексте исторически развивающихся транснациональных структур: и экономических, и военных. Исследователь может понять национальные трансформации, включая социальные революции, только путем своего рода концептуального жонглирования. До тех пор пока национальные государства и их соперничество остаются важным аспектом реальности, лучше всего (по крайней мере, для анализа феноменов, где главную роль играют государства) использовать государство/общество как базовую единицу анализа. Но нужно уделять внимание не только переменным, относящимся к внутренним по отношению к этим единицам паттернам и процессам, но и транснациональным факторам в качестве ключевых контекстуальных переменных⁶⁰.

⁵⁶ См.: Wallerstein, “Rise and Demise”; Wallerstein, *Modern World-System*, особенно главы 3 и 7. Более детальную характеристику и критику взгляда Валлерстайна на государство см. в моей статье: Theda Skocpol, “Wallerstein’s World Capitalist System: A Theoretical and Historical Critique”, *American Journal of Sociology* 82:5 (March 1977), pp. 1075–1090.

⁵⁷ Формулируя свои представления о системе государств и капитализме, я опиралась в особенности на: Charles Tilly, ed., *The Formation of National States in Western Europe* (Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1975); Otto Hintze, “Economics and Politics in the Age of Modern Capitalism”, in *The Historical Essays of Otto Hintze*, ed. Felix Gilbert (New York: Oxford University Press, 1975). Как пишет Хайнц, «...ни капитализм не породил современное государство, ни современное государство не породило капитализм» (р. 427). Скорее «истории государства и капитализма неразрывно взаимосвязаны... они суть две стороны, или аспекта, одного и того же исторического процесса» (р. 452).

⁵⁸ Об этом см., напр.: Tilly, *Formation of National States*; Otto Hintze, “Military Organization and the Organization of the State”, in *Historical Essays*, ed. Gilbert, pp. 178–215; Randall Collins, “Some Principles of Long-Term Social Change: The Territorial Power of States” (paper presented at the Annual Meeting of the American Sociological Association, Chicago, Illinois, September, 1977).

⁵⁹ Царская и Советская Россия, Пруссия Гогенцоллернов и Германская империя, и Япония эпохи Мэйдзи выступают прекрасной иллюстрацией справедливости этого утверждения.

⁶⁰ Эта аналитическая перспектива опирается на: Terence K. Hopkins and Immanuel Wallerstein, “The Comparative Study of

Это относится к двум разновидностям транснациональных контекстов. С одной стороны, существуют *структуры* мировой капиталистической экономики и международной системы государств, в рамках которых отдельные государства занимают различное положение. С другой стороны, есть изменения и переходы в «мировом времени», оказывающие влияние и на всемирные контексты, в которых происходят революции, и на конкретные модели и возможные варианты действий, которые революционные лидеры могут заимствовать за границей.

Вовлеченность в транснациональные структуры стран, реально или потенциально подверженных социальным революциям, значима в нескольких отношениях. Исторически неравные или соперничающие международные отношения способствовали формированию тех или иных государственных и классовых структур любой данной страны, тем самым влияя на существующие внутренние контексты, в которых возникает (или не возникает) революция. Более того, международные отношения влияют на ход событий во время реальных революций. Современные социальные революции случались только в странах, занимающих неблагоприятное положение на международной арене. В частности, реалии военной отсталости или политической зависимости решающим образом влияли на возникновение и ход социальных революций. Хотя неравное экономическое развитие всегда присутствовало на заднем плане, события внутри международной системы государств как таковой (особенно поражения в войнах или угрозы вторжения и борьба за контроль над колониями) непосредственно способствовали почти всем всплескам революционных кризисов. Способствуя подрыву существующих политических властей и государственного контроля, эти события тем самым открывали путь фундаментальным конфликтам и структурным трансформациям. Более того, баланс военных сил и конфликты на международной арене обеспечивали «пространство для маневра», необходимое для завершения и политической консолидации социальных революций. Это справедливо, поскольку эти факторы разделяли усилия или отвлекали внимание внешних врагов, заинтересованных в предотвращении успеха революции или в том, чтобы воспользоваться внутренним кризисом революционизированной нации. В конечном счете также оказывается, что итоги социальных революций всегда были жестко обусловлены не только международной политикой, но и ограничениями и возможностями мир-экономики, с которыми сталкивались вновь возникшие (революционные) режимы.

Что касается измерения «мирового времени», то некоторые аспекты «модернизации» были уникальными процессами, повлиявшими на мир в целом⁶¹. Используя государство/общество в качестве единицы анализа, можно сформулировать лишь ограниченные обобщения относительно сходных, повторяющихся национальных процессов. Но даже если это удастся сделать, следует обратить внимание на воздействие исторических последовательностей и всемирно-исторических изменений. Связанные с этим возможности сравнения и объяснения социальных революций быстро приходят на ум. Одна из таких возможностей состоит в том, что акторы более поздних революций могут испытывать влияние предшествующих; например, китайские коммунисты сознательно подражали большевикам и некоторое время напрямую получали советы и помощь российского революционного режима. Другая возможность состоит в том, что ключевые «прорывы», обладающие всемирно-историческим значением (такие, как промышленная революция или изобретение партийной организации ленинского типа) могут произойти между одной революцией и другой, в широком смысле сходной с ней. В результате создаются новые возможности или необходимые условия для развития более поздних революций, которые не были открыты или порождены ею, потому что она произошла на более ранней стадии мировой истории Нового времени.

National Societies”, *Social Science Information* 6:5 (October 1967), pp. 25–58.

⁶¹ О понятии «мирового времени» см.: Wolfram Eberhard, “Problems of Historical Sociology”, in *State and Society: A Reader*, eds. Reinhard Bendix, et al. (Berkeley: University of California Press, 1973), pp. 25–28.

Заключительное утверждение верно для обоих видов транснациональных контекстуальных влияний. Анализируя внутренние воздействия международных отношений, никогда не следует просто допускать (как это практически неизменно делают современные теоретики революции), что любые подобные факторы влияют в первую очередь на положение, нужды и идеи «народа». Это может, конечно, случаться (например, когда сдвиги в структурах международной торговли внезапно лишают работы занятых в целой отрасли промышленности). Но на самом деле именно правители государства, необходимо ориентированные на действия на международной арене, в равной степени или с большей вероятностью будут транслировать международные влияния на внутреннюю политику. Таким образом, пересечение старого (правительственного) режима и, позднее, возникающего революционного режима с международными аренами (и особенно с международной системой государств) будет самой многообещающей точкой, которой необходимо уделять внимание, чтобы понять, как эпохальная модернизационная динамика отчасти вызывает и оформляет революционные трансформации.

Ни одна обоснованная теоретическая перспектива исследования революций не может позволить себе игнорировать международные и всемирно-исторические контексты, в которых революции происходят. Если теории революций в большинстве своем до сих пор пытались игнорировать эти контексты, то это потому, что они оперировали неадекватными, сфокусированными на внутригосударственных процессах представлениями о характере модернизации и ее взаимоотношениях с революциями. Чтобы это скорректировать, в данном разделе были кратко очерчены транснациональные аспекты модернизации и выдвинуты предположения относительно того, каким образом эти аспекты значимы для анализа революций – с особым акцентом на важность международной системы государств. Этот акцент, по сути, предваряет те аргументы, которые будут выдвинуты в следующем разделе относительно важности потенциально автономных государственных организаций в социально-революционных трансформациях.

Потенциальная автономия государства

Практически всякий, кто пишет о социальных революциях, признает, что они начинаются с кризисов, имеющих отчетливо политический характер, – таких, как запутанное положение в финансах французской монархии и созыв Генеральных штатов в 1787–1789 гг. Подобным же образом всем очевидно, что развитие революций происходит через борьбу, в которой заметную роль играют организованные политические партии и фракции. Признается также, что кульминацией всего этого выступает консолидация новых государственных организаций, чья власть может быть использована не только для закрепления социально-экономических трансформаций, которые уже произошли, но и для осуществления дальнейших перемен. Никто не отрицает реальность этих политических аспектов социальных революций. Тем не менее, большинство теоретиков революции склонны рассматривать политические кризисы, которые запускают революции, либо как случайные спусковые крючки, либо как всего лишь эпифеноменальные индикаторы более фундаментальных противоречий или напряженностей в социальной структуре Старого порядка. Подобным же образом политические группы, участвующие в социально-революционных сражениях, рассматриваются как представители социальных сил. А структура и деятельность новых государственных организаций, вырастающих из социальных революций, трактуются как выражение интересов каких бы то ни было социально-экономических или социально-культурных сил, которые выходили победителями из революционных конфликтов.

Допущение, которое всегда лежит, пусть и неявно, в основе таких рассуждений, состоит в том, что политические структуры и борьба могут быть определенным образом сведены (по крайней мере в конечном счете) к социально-экономическим силам и конфликтам. Государ-

ство рассматривается как не более чем *арена*, на которой разворачиваются конфликты относительно базовых социальных и экономических интересов. Чем-то особенным государство-как-политическую-арену делает то, что действующие на ней акторы прибегают к особым средствам в ходе социальных и экономических конфликтов – таким как принуждение или лозунги, апеллирующие к общему благу. В общем и целом подобный способ представления государства объединяет и либеральную, и марксистскую разновидности социальной теории. Решающая разница во взглядах между этими двумя широкими традициями состоит в том, какие средства являются отличительными для политической арены: фундаментально основанная на консенсусе легитимная власть или фундаментально принудительное господство. И эта разница соответствует различным представлениям об основах социального порядка, которых придерживается каждая из этих теоретических традиций.

Одно идеально-типическое воззрение на государство рассматривает его как арену легитимной власти, воплощенной в правилах политической игры, в государственных лидерах и политике. Последние поддерживаются определенным сочетанием нормативного консенсуса и предпочтений большинства членов общества. Конечно, такое представление полностью соответствует либеральному, плюралистическому видению общества, согласно которому оно состоит из свободно конкурирующих групп и их членов, разделяющих приверженность общим социальным ценностям. В теоретической литературе, посвященной революциям, можно найти варианты этих представлений о государстве и обществе, прежде всего в аргументации теоретика относительной депривации Теда Гарра и теоретика систем Чалмерса Джонсона. Для них в объяснении вспышки революции значимо то, теряют ли легитимность существующие власти. Это случается, когда испытывающие социальное недовольство или дезориентированные массы начинают чувствовать, что участие в насилии для них приемлемо, или иным образом усваивают новые ценности, содержащиеся в революционных идеологиях. И Гарр, и Джонсон ощущают, что государственная власть и стабильность напрямую зависят от общественных трендов и народной поддержки. Ни один из них не верит в то, что государственный аппарат принуждения может успешно подавлять (в течение длительного времени) недовольство или неодобрение большинства людей в обществе⁶². Государство в их теориях выступает аспектом либо утилитарного консенсуса (Гарр), либо ценностного консенсуса (Джонсон) в обществе. Оно может применять силу от имени народного консенсуса и легитимности, но фундаментально оно не основано на организованном принуждении.

Напротив, марксистские теоретики (а также, по большому счету, теоретик политического конфликта Чарльз Тилли) рассматривают государство как основанное на организованном принуждении. Вспомним, что важной частью модели политической системы у Тилли является правительство, определяемое как «организация, контролирующая главные, концентрированные средства принуждения в рамках населения»⁶³. Аналогичным образом Ленин, ведущий марксистский теоретик политического аспекта революций, провозглашает: «постоянное войско и полиция суть главные орудия силы государственной власти, но – разве может это быть иначе?»⁶⁴ Ни Ленин, ни (по большей части) Тилли⁶⁵ не рассматривают государственное принуждение как зависящее в своей эффективности от ценностного консенсуса или удовлетво-

⁶² У Джонсона см.: *Revolutionary Change*, p. 32. Что касается Гарра, см. сноску 41 выше, а также: *Why Men Rebel*, ch. 8; Гарр Т. Р. Почему люди бунтуют. Гл. 8.

⁶³ Tilly, *From Mobilization to Revolution*, p. 52.

⁶⁴ V. I. Lenin, "The State and Revolution" in *The Lenin Anthology*, ed. Robert C. Tucker (New York: Norton, 1975), p. 316; Ленин В. И. Государство и революция: Учение марксизма о государстве и задачи пролетариата в революции // Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 33. Москва: Издательство политической литературы, 1969. С. 9.

⁶⁵ На самом деле Тилли колеблется в вопросе о том, существует ли фундаментальная зависимость государства от поддержки народа. Его определение государства и аргументы относительно армий во время революций предполагают, что нет, но его концепция революционной ситуации как возникающей тогда, когда население поддерживает революционных претендентов на власть, несмотря на запрет существующих государственных властей, предполагает обратное.

ренности народа. И оба хорошо понимают, что государства могут подавлять народные силы и революционные движения. Поэтому неудивительно, что, объясняя успех революций, и Тилли, и Ленин делают упор на развал монополии Старого порядка на средства принуждения и создание военных сил революционерами.

Однако верно то, что марксисты и теоретики политического конфликта, подобные Тилли, столь же ошибочно, как Гарр и Джонсон, рассматривают государство в первую очередь как арену, на которой разрешаются социальные конфликты. Хотя, конечно, разрешение этих конфликтов марксисты видят в господстве, а не добровольном консенсусе. Поэтому, так или иначе, и марксисты, и Тилли рассматривают государство как систему организованного принуждения, чьей неизменной функцией является поддержка доминирующего положения господствующих классов или групп над подчиненными классами или группами.

В теории коллективного действия Тилли государство и общество буквально сливаются. Тилли обозначает и рассматривает отношения между группами в политических терминах. Он говорит не о классах или социальных группах, а о группах и альянсов «членов», обладающих властью в политической системе, и группах «претендентов», которые из нее исключены. Само его определение групп членов («любой из соперников, обладающий рутинным, мало затратным доступом к ресурсам, контролируемым правительством»⁶⁶) явно предполагает практически полное совпадение между властью господствующей группы и властью государства. Государство становится орудием групп «членов» политической системы (в своей основе принудительным), наделенных властью в рамках данной группы населения.

Теоретики классического марксизма аналитически не объединяют государство и общество. Марксисты считают, что социальный порядок основан на классовом конфликте и господстве. Государственная власть является особой разновидностью власти в обществе, не тождественной или не охватывающей собою всю власть господствующего класса. Тем не менее марксисты по-прежнему объясняют основную функцию государства в социальных категориях. Как бы ни варьировали его исторические формы, государство как таковое рассматривается как отличительная черта всех способов производства, включающих деление общества на классы. И неизменно, единственно необходимой и неизбежной функцией государства по определению является сдерживание классовых конфликтов и осуществление иных мер государственной политики для поддержки господства классов, владеющих собственностью и присваивающих прибавочный продукт⁶⁷.

Таким образом, ни в классическом марксизме, ни в теории коллективного действия Тилли государство не рассматривается как автономная структура – структура с собственной логикой и интересами, не обязательно тождественными или совпадающими с интересами господствующего в обществе класса или всего набора групп членов политической системы. Следовательно, в терминах этих теорий невозможно даже ожидать возникновения фундаментальных конфликтов интересов между существующим господствующим классом или множеством групп, с одной стороны, и правителями государства – с другой. Общество характеризуется господством и борьбой за власть между группами. И государство, основанное на концентрации средств принуждения, встраивается в общество как форма инструментального или объективного господства и объект борьбы, но не как организация-для-себя.

⁶⁶ Tilly, *From Mobilization to Revolution*, p. 52.

⁶⁷ Основы марксистской теории государства см. в: Frederick Engels, *The Origin of the Family, Private Property and the State*, reprinted in *Marx and Engels, Selected Works*; Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 21. Москва: Издательство политической литературы, 1955–1974. С. 23–178; Lenin, *The State and Revolution*, reprinted in *Lenin Anthology*, ed. Tucker; Ленин В. И. Государство и революция: Учение марксизма о государстве и задачи пролетариата в революции. Ralph Miliband, “Marx and the State”, in Karl Marx, ed. Tom Bottomore (Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall, 1973), pp. 128–150; Robert C. Tucker, “The Political Theory of Classical Marxism”, in *The Marxian Revolutionary Idea* (New York: Norton, 1970), ch. 3.

Но как быть с последними тенденциями в марксизме? В последнее время среди марксистски ориентированных интеллектуалов имело место возрождение интереса к проблеме государства⁶⁸. Критически реагируя на широко распространившуюся вульгаризацию (представление о том, что государства – не что иное, как орудия, которыми сознательно манипулируют лидеры и группы интересов, представляющие господствующий класс), современные исследователи, такие как Ральф Милибэнд⁶⁹, Никое Пуланцас⁷⁰, Перри Андерсон⁷¹, Геран Терборн⁷² и Клаус Оффе⁷³, поставили вопрос об «относительной автономии государства» от прямого контроля со стороны господствующего класса. Возможность этого была в особенности характерна для капиталистических обществ, но также и абсолютистской фазы европейского феодализма. Вниманию теоретиков было обращено на выявление широких структурных ограничений, которые существующий способ производства налагает на диапазон возможностей для государственных структур и их действий. И, в обновленном виде, была разработана концепция необходимости свободы правителей государства от контроля со стороны конкретных групп и представителей господствующего класса, если правители в состоянии проводить политику, которая служит фундаментальным интересам всего господствующего класса. Эти интересы, конечно, заключались в том, чтобы сохранить классовую структуру и способ производства в целом.

По мере развертывания этой современной дискуссии некоторые ее участники (особенно те, которые более остальных стремились понять, как государства могут действовать вопреки сопротивлению господствующего класса, чтобы сохранить существующий способ производства) были, казалось, на грани признания того, что государства потенциально автономны не только по отношению к господствующим классам, но и ко всем классовым структурам или способам производства⁷⁴. Однако этой возможной линии аргументации по большей части тщательно избегал⁷⁵. Вместо этого некоторые исследователи, такие как Клаус Оффе, просто высказывали гипотезу, что, хотя структуры государства и меры его политики каузально важны сами по себе, объективно они функционируют благодаря встроенным «механизмам отбора» для

⁶⁸ Обзор значительной части этой литературы см. в: David A. Gold, Clarence Y. H. Lo, Erik Olin Wright, "Recent Developments in Marxist Theories of the Capitalist State", *Monthly Review* 27:5 (October 1975), pp. 29–43, and 27:6 (November 1975), pp. 36–51.

⁶⁹ См. в особенности: Ralph Miliband, *The State in Capitalist Society* (New York: Basic Books, 1969); Miliband, "Poulantzas and the Capitalist State", *New Left Review* no. 82 (November–December 1973), pp. 83–92.

⁷⁰ См. в особенности: Nicos Poulantzas, *Political Power and Social Classes*, trans. Timothy O'Hagan (London: New Left Books, 1973); Poulantzas, "The Problem of the Capitalist State", in *Ideology in Social Science*, ed. Robin Blackburn (New York: Vintage Books, 1973), pp. 238–253; Poulantzas, "The Capitalist State: A Reply to Miliband and Laclau", *New Left Review* no. 95 (January–February 1976), pp. 65–83; Poulantzas, *Classes in Contemporary Capitalism*, trans. David Fernbach (London: New Left Books, 1975); Poulantzas, *The Crisis of the Dictatorships*, trans. David Fernbach (London: New Left Books, 1976).

⁷¹ См.: Perry Anderson, *Lineages of the Absolutist State* (London: New Left Books, 1974); Андерсон П. Родословная абсолютистского государства. Москва: Территория будущего, 2010.

⁷² См.: Goran Therborn, "What Does the Ruling Class Do When It Rules?", *The Insurgent Sociologist* 6:3 (Spring 1976), pp. 3–16; Therborn, *What Does the Ruling Class Do When it Rules?* (London: New Left Books, 1978); Терборн Г. Что делает правящий класс, когда он правит? Некоторые размышления о различных подходах к изучению власти в обществе // *Логос*. 2008. № 6. С. 73–92.

⁷³ См. в особенности: Claus Offe, "Structural Problems of the Capitalist State", *German Political Studies* 1 (1974), pp. 31–56; Offe, "The Theory of the Capitalist State and the Problem of Policy Formation", in *Stress and Contradiction in Modern Capitalism*, eds. Leon N. Lindberg et al. (Lexington, Mass.: Heath, 1975), pp. 125–44; Claus Offe and Volker Ronge, "Theses on the Theory of the State", *New German Critique* no. 6 (1975), pp. 137–147.

⁷⁴ См. в особенности: Poulantzas, "Problem of Capitalist State", in *Ideology in Social Science*, ed. Blackburn; Offe and Ronge, "Theses on the Theory of the State".

⁷⁵ Два теоретика неомарксизма, которые действительно рассматривают государства как потенциально автономные, – это Эллен Кэй Тримбергер (Ellen Kay Trimberger, "State Power and Modes of Production: Implications of the Japanese Transition to Capitalism", *The Insurgent Sociologist* 7 (Spring 1977), pp. 85–98; Trimberger, *Revolution From Above: Military Bureaucrats and Modernization in Japan, Turkey, Egypt, and Peru* (New Brunswick, N.J.: Transaction books, 1978) и Фред Блок (Fred Block, "The Ruling Class Does Not Rule: Notes on the Marxist Theory of the State", *Socialist Revolution* no. 33 (May–June 1977), pp. 6–28). Я испытала весьма сильное влияние этих работ, а также личного общения с Тримбергер и Блоком.

сохранения существующего способа производства⁷⁶. Другие, особенно так называемые структурные марксисты, заменили дискредитированный инструментализм господствующего класса тем, что можно назвать редукционизмом классовой борьбы⁷⁷. Согласно этим взглядам, структуры и функции государства не просто контролируются исключительно господствующими классами. Они скорее оформляются в ходе борьбы между господствующим и подчиненным классами – борьбы, которая проходит в объективных границах данной экономики и классовой структуры в целом. И наконец, новейший вклад в эту дискуссию был сделан Гераном Терборном в новой книге, которая посвящена исследованию государственных структур как таковых. В сходном с теоретиками классовой борьбы, но все же несколько отличном от них духе Терборн конструирует и сравнивает типологические модели различных форм и функций государственных организаций и их деятельности в рамках феодального, капиталистического и социалистического способов производства. Он пытается напрямую из тех или иных базисных классовых отношений вывести структуру государства, соответствующую каждому из способов производства. Таким образом, наряду со структурным теоретиком Никосом Пуланцасом Терборн настаивает на том, что «государство не должно рассматриваться ни как особенный институт, ни как средство, но как отношение – как материализованная концентрация классовых отношений в данном обществе»⁷⁸.

Поэтому в современных марксистских дискуссиях о государстве камнем преткновения является проблема автономии государства, так как большинство участников дискуссии склонны рассматривать государство либо в совершенно функционалистской манере, либо в качестве одного из аспектов классовых отношений или борьбы. Несомненно, это попытка установить (или вновь установить, так как это и было классической марксистской позицией), что государства не просто создаются или используются господствующими классами. Тем не менее, для марксистов по-прежнему сущностно важны вопросы о том, что представляют собой государства сами по себе, как различаются их структуры, а также как развивается их деятельность по отношению к социально-экономическим структурам. Пока что практически все марксисты продолжают просто исходить из того, что формы и деятельность государства варьируются в зависимости от способов производства и что правители государства не имеют возможности действовать против фундаментальных интересов господствующего класса. Концепции остаются ограничены вопросами о том, *как* государства трансформируются вместе со способами производства и господствующими классами и как функционируют для них. В результате по-прежнему практически никто не ставит под сомнение эту марксистскую версию стародавней тенденции социологии объединять государство и общество.

Однако если мы намереваемся хорошо подготовиться к анализу социальных революций, то эту давнюю социологическую тенденцию необходимо поставить под сомнение. На первый взгляд, перспектива социально-структурного детерминизма (особенно включающая какую-либо разновидность классового анализа) кажется очевидно плодотворным подходом. Это выглядит так потому, что одним из основных компонентов социальных революций действительно является классовая борьба, а результатом – фундаментальные социально-структурные трансформации. Тем не менее исторические реалии социальных революций настоятельно требуют подхода, в большей мере сконцентрированного на государстве. Как будет показано в ключевых главах этой книги, политические кризисы, дающие начало социальным революциям, вообще не были эпифеноменальными отражениями социальной напряженности или классово-

⁷⁶ Offe, "Structural Problems of Capitalist State".

⁷⁷ «Редукционизм классовой борьбы» кажется мне удачной характеристикой позиции Пуланцаса в работах: "Capitalist State: Reply to Miliband and Laclau"; Crisis of Dictatorships. Эта перспектива также развивается некоторыми американскими структуралистами в: Gosta Esping-An-dersen, Roger Friedland, and Erik Olin Wright, "Modes of Class Struggle and the Capitalist State", Kapitalistate no. 4–5 (Summer 1976), pp. 186–220.

⁷⁸ Therborn, Ruling Class, p. 34.

вых противоречий. Они скорее были прямым выражением противоречий в государственных структурах старых порядков. Конфликтующие политические группы, фигурировавшие в социально-революционных битвах, были не просто представителями социальных интересов и сил. Они скорее формировали группы интересов в рамках государственных структур и вели борьбу за придание тех или иных форм этим структурам. Авангардные партии, возникавшие на радикальных этапах социальных революций, были единственными строителями централизованных армий и администраций, без которых революционные трансформации не осуществились бы. Более того, социальные революции изменили государственные структуры в той же или даже в большей степени, нежели классовые отношения, социальные ценности и институты. Кроме того, влияние социальных революций на дальнейшее экономическое и социально-политическое развитие преобразованных ими стран обязано не только изменениям в классовых структурах, но и изменениям в структурах и функциях государств, установленных этими революциями. В целом классовые сдвиги и социально-экономические трансформации, свойственные социальным революциям, были тесно связаны с крахом государственных организаций старых порядков и формированием государственных организаций новых порядков.

Социально-революционные трансформации можно понять, только всерьез рассматривая государство в качестве макроструктуры. Правильно понятое, государство более не является всего лишь ареной, на которой происходит социально-экономическая борьба. Напротив, оно представляет собой ряд административных, полицейских и военных организаций, возглавляемых и более или менее координируемых исполнительной властью. Любое государство прежде всего и по сути своей извлекает ресурсы из общества и направляет их на создание и обеспечение организаций управления и принуждения⁷⁹. Конечно, эти базовые государственные организации выстраиваются и должны осуществлять свою деятельность в контексте социально-экономических отношений разделения на классы, а также в контексте национальной и международной экономической динамик. Более того, организации управления и принуждения суть только части политических систем в целом. Эти системы могут содержать институты, представляющие социальные интересы в государственной политике, так же как институты, с помощью которых негосударственные акторы мобилизуются для участия в политике. Тем не менее организации управления и принуждения являются основой государственной власти как таковой.

Там, где они существуют, эти базовые государственные организации в минимальной степени, но обладают потенциальной автономией от прямого контроля со стороны господствующего класса. Степень, в которой они *реально* автономны (и в каком смысле), варьирует от случая к случаю. Стоит подчеркнуть, что реальная степень и последствия автономии государства могут быть проанализированы и объяснены только в категориях, отражающих специфику конкретных типов социально-политических систем и конкретных исторических международных обстоятельств. Вот почему введение к главе 2 включает обсуждение институциональных форм государственной власти в аграрных государствах, таких как дореволюционные Франция, Россия и Китай. Также будут обозначены возможные линии конфликта между землевладельческими господствующими классами и государственными правителями в таких государствах. Сейчас нет необходимости вдаваться в эту дискуссию. Для целей развернутой сейчас аргументации достаточно отметить, что государства потенциально автономны, и выявить, какие особые интересы они *могут* преследовать.

⁷⁹ Мои представления о государстве сформировались под непосредственным влиянием таких классических и современных работ, как: Max Weber, *Economy and Society*, 3 vols., ed. Guenther Roth and Claus Wittich (New York: Bedminster Press, 1968), vol. 2, ch. 9 and vol. 3, chs. 10–13; Otto Hintze, очерки в *Historical Essays*, ed. Felix Gilbert, chs. 4–6, 11; Tilly, ed., *Formation of National States*; Randall Collins, *Conflict Sociology* (New York: Academic Press, 1975), ch. 7; Collins, “A Comparative Approach to Political Sociology”, pp. 42–69 in *State and Society*, eds. Bendix et al.; Franz Schurmann, *The Logic of World Power* (New York: Pantheon Books, 1974). См. также ссылки в сноске 75.

Государственные организации с необходимостью соперничают, до определенной степени, с господствующим классом (классами) в присвоении ресурсов экономики и общества. И цели, на которые эти ресурсы после присвоения направляются, вполне могут отличаться от интересов существующего господствующего класса. Ресурсы могут использоваться для увеличения размеров и автономии самого государства. А это с необходимостью угрожает господствующему классу (если только большее могущество государства не является крайне необходимым и может быть действительно использовано для поддержания интересов господствующего класса). Но использование силы государства для поддержки интересов господствующего класса не неизбежно. Действительно, попытки правителей выполнять только «собственно государственные» функции могут порождать конфликты интересов с господствующим классом. Государство обычно выполняет две основные группы задач: оно поддерживает порядок и конкурирует с другими реальными или потенциальными государствами. Как отмечают марксисты, обычной функцией государств является сохранение существующих экономических и классовых структур, поскольку в нормальных условиях это самый беспроblemный способ поддержания порядка. Тем не менее государство имеет свои особые интересы, связанные с подчиненными классами. Хотя и государство, и господствующие классы в широком плане разделяют заинтересованность в том, чтобы удерживать подчиненные классы на отведенном им месте в обществе и на работе в существующей экономике, собственные фундаментальные интересы государства в поддержании элементарного порядка и политического мира могут привести его (особенно в периоды кризиса) к уступкам в пользу подчиненных классов. Эти уступки могут быть сделаны за счет интересов господствующего класса, но не вопреки собственным интересам государства по контролю над населением, сбору налогов и рекрутированию на военную службу.

Более того, не нужно забывать, что государства также существуют в определенной геополитической среде, во взаимодействии с другими реальными или потенциальными государствами. Существующие экономика и классовая структура обуславливают и влияют на структуру данного государства и действия его правителей. Таким образом, геополитическая среда также создает задачи и возможности для государств и накладывает ограничения на их способности справляться либо с внешними, либо с внутренними задачами или кризисами. Как однажды написал немецкий историк Отто Хайнц, два явления в первую очередь обуславливают «реальную организацию государства. Это, во-первых, структура социальных классов и, во-вторых, внешний порядок государств – их положение друг относительно друга и их общее положение в мире»⁸⁰. Действительно, включенность государства в международную сеть выступает основой для потенциальной автономии действия по отношению к группам и институтам (и против них) в пределах его юрисдикции, включая даже господствующий класс и существующие производственные отношения. Дело в том, то военное давление извне и внешнеполитические возможности могут подтолкнуть правителей к проведению политики, входящей в столкновение с фундаментальными интересами господствующего класса и даже, в крайних случаях, противоречащей им. Например, правители государства могут предпринять военные авантюры за рубежом, истощающие внутренние экономические ресурсы или же подрывающие, немедленно или в конечном счете, позиции господствующих социально-экономических групп. Или другой пример: правители в ответ на военную конкуренцию с зарубежными странами или угрозы завоевания могут попытаться запустить фундаментальные социально-экономические реформы или изменить курс экономического развития страны за счет государственного вмешательства. Такие программы могут быть успешно реализованы, а могут быть провалены. Но даже если они не доводятся до конца, сама попытка их осуществления может создать дополни-

⁸⁰ Hintze, "Military Organization", in *Historical Essays*, ed. Gilbert, p. 183.

тельное столкновение интересов между государством и существующим господствующим классом.

Перспективу исследования государства, предложенную здесь, можно назвать «организационной» и «реалистической». В противоположность большинству марксистских теорий (особенно современных), эта точка зрения отказывается рассматривать государства как всего лишь аналитические аспекты абстрактно понимаемых способов производства или даже как политические аспекты конкретных классовых отношений и борьбы. Она скорее настаивает на том, что государства представляют собой реальные организации, контролирующие (или пытающиеся контролировать) территории и население. Поэтому исследователь революций должен изучать не только классовые отношения, но и отношения государств друг к другу и отношения государств к господствующим и подчиненным классам. Исследование противоречий Старого порядка и возникновения революционных кризисов в рамках исторических примеров социальных революций, рассмотренных в ключевых главах этой книги, будет сосредоточено прежде всего на отношениях государств с их зарубежными военными соперниками, а также с господствующими классами и существующими социально-экономическими структурами внутри страны. И анализ возникновения и структуры новых порядков будет фокусироваться в первую очередь на отношениях революционных движений, нацеленных на государственное строительство, с международным окружением и с теми подчиненными классами, неизменно включающими крестьянство, которые были ключевыми участниками революционных конфликтов. Государственные организации и старых, и новых порядков займут более центральное и автономное место в этом анализе, чем в прямолинейных марксистских объяснениях.

Тем не менее организационная и реалистическая точка зрения на государство подразумевает не только отличия от марксистских подходов. Она также противостоит тем немарксистским подходам, которые рассматривают *легитимность* политических властей как важное объяснительное понятие. Если государственные организации справляются с любыми задачами, на которые претендуют, легко и эффективно, легитимность (либо в смысле морального одобрения, либо в намного более приземленном, наверное, смысле простого согласия со статус-кво) будет, вероятно, предоставлена государству, его формам и правителям большинством групп общества. В любом случае наиболее важна поддержка или лояльность не народного большинства, а политически могущественных и мобилизованных групп, неизменно включенных в кадровый состав самого режима. Потеря легитимности, особенно среди этих критически важных групп, имеет тенденцию заканчиваться отмиранием там и тогда (по причинам, всегда открытым для исторических и социологических объяснений), где государство постоянно не справляется с существующими задачами или оказывается неспособным справиться с новыми задачами, неожиданно обрушившимися на него в кризисных обстоятельствах. Даже после существенных потерь в легитимности государство может оставаться вполне устойчивым (и, несомненно, неуязвимым для внутренних восстаний на низовой основе), особенно если его организации с функцией принуждения остаются цельными и эффективными⁸¹. Следовательно, структура этих организаций, их место в государственном аппарате в целом, их связи с классовыми силами и политически мобилизованными группами общества – все это важные вопросы для исследователя государств в революционных ситуациях, реальных или потенциальных. Такая аналитическая фокусировка явно представляется более плодотворной, чем фокус преимущественно или исключительно на политической легитимации. Уменьшение легитимности режима в глазах его собственных кадров и иных политически могущественных групп может фигурировать в качестве промежуточной переменной в анализе краха режима. Но его основные причины будут

⁸¹ См.: Katherine Chorley, *Armies and the Art of Revolution* (1943; reprint ed., Boston: Beacon Press, 1973); Russell, *Rebellion, Revolution and Armed Force*.

найлены в структуре и возможностях государственных организаций, поскольку они обусловлены изменениями в экономике и классовой структуре, а также в международном положении.

Одним словом, государство по сути своей является двуликим Янусом, с двойственной укорененностью в социально-экономических структурах, основанных на делении на классы, и в международной системе государств. Если наша цель в том, чтобы понять крах государственных организаций и их строительство в ходе революций, то необходимо рассматривать не только деятельность социальных групп. Необходимо также фокусировать внимание на точках пересечения международных условий и давления внешних сил, с одной стороны, и классовых экономик и политически организованных интересов – с другой. Государственные руководители и их последователи будут маневрировать с целью извлечения ресурсов и построения организаций управления и принуждения именно на этом пересечении. Следовательно, это и есть то самое место, где надо искать политические противоречия, запускающие социальные революции. Здесь также обнаружатся силы, оформляющие отстраиваемые заново в ходе социально-революционных кризисов государственные организации.

В только что законченном разделе этой главы были критически рассмотрены три принципа анализа, которые являются общими для всех существующих теорий революции. Вместо них предложены альтернативные теоретические принципы. На самом деле все общие тенденции, из-за которых существующие теории были подвергнуты критике, тесно связаны между собой. Целенаправленный образ причин социальных революций дополняется внутринациональной перспективой модернизации. К тому же каждый принцип хорошо сочетается с пониманием государства в духе социально-экономического редукционизма. Поэтому неудивительно, что предложенные здесь альтернативные принципы тоже взаимно дополняемы. Мы будем анализировать причины и процессы социальных революций с неволютаристской, структурной перспективы, учитывая международные и всемирно-исторические, а также внутринациональные структуры и процессы. Важным теоретическим дополнением будет перемещение государств (понимаемых как потенциально автономные организации, находящиеся на пересечении классовых структур и международных обстоятельств) в самый центр исследования.

В следующей части рассматривается такой метод анализа, наиболее подходящий для объяснения социальных революций.

Сравнительно-исторический метод

«Социальные революции», определяемые так, как это было сделано в начале этой работы (быстрые, фундаментальные трансформации государственных и классовых структур общества, сопровождающиеся и отчасти осуществляющиеся низовыми восстаниями на классовой основе) являются относительно редкими событиями в мировой истории Нового времени. Более того, каждая такая революция происходила особым образом, в уникальных социально-структурных и международных обстоятельствах. Как в таком случае социолог может надеяться разработать исторически валидные объяснения социальной революции как таковой?

В современных американских общественных науках в целом предпочитают избегать изучения социальных революций, так как исследователи полагают, что действительно научным образом возможно изучать только те феномены, которые представлены достаточно большим количеством примеров. Имеет место сознательная реакция против «естественно-исторического» подхода к революциям, которому отдавало предпочтение предшествующее поколение американских обществоведов. Эти «естественные историки», прежде всего Лайффорд Эдвардс,

Крейн Бринтон и Джордж Петти, анализировали небольшое число случаев, пытаясь разработать обобщения относительно типического революционного процесса⁸²

⁸² Ключевыми работами являются: Lyford P. Edwards, *The Natural History of Revolution* (1927; reprint ed., Chicago: University of Chicago Press, 1970); Эдвардс Л. Естественная история революции // Социологический журнал. 2005. № 1. С. 101–131; Crane Brinton, *The Anatomy of Revolution* (1938; rev. and expanded ed., New York: Vintage Books, 1965); George Sawyer Pettee, *The Process of Revolution* (New York: Harper and Brothers, 1938).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.